

Наталья Советная

Наталья Викторовна Советная – член Союза писателей России (Санкт-Петербургское отделение), член Союза писателей Беларуси (Минское отделение), член Союза писателей Союзного государства. Председатель оргкомитета Международных научно-литературных чтений Игоря Николаевича Григорьева (Пушкинский Дом, Санкт-Петербург) и оргкомитета Международного конкурса лирико-патриотической поэзии им. поэта и воина Игоря Григорьева (1923–1996). Прозаик, поэт, публицист. Автор публикаций в журналах и альманахах: «Литературная учёба», «Наши современники», «Московский Парнас», «Нёман», «Новая Немига литературная», «Акно» (Минск), «Качели», «Польмя», «Белая вежа», «Армия и культура», «Невская перспектива», «Мгинские мосты», «Земляки», «Берега» (Калининград), «Александръ» (Мичуринск), «Симбирск», «Петербургская литература», «Территория слова» (ЛНР), «Крылья» (ЛНР) и др. Участница многих коллективных сборников. Автор 16 книг поэзии, прозы и публицистики. Победитель и лауреат республиканских, всероссийских и международных литературных конкурсов, в т. ч. «Словенское поле» (2015), им. А. К. Толстого (2016), «Золотой Витязь» (обладатель «Серебряного Витязя» в номинации «Публицистика» (2019)) и др. Имеет награды: медали «Василий Шукшин» (2014), «Святой благоверный Князь Александр Невский» (2008), «Поэт и воин Игорь Григорьев (1923–1996)» (2015), «За вялікі ўклад ў літаратуру» (2016), «Максим Богданович» (2020), орден Фонда мира «За веру и верность» (Москва, 2016) и др.

КРЕМЕНЬ

Повесть

Продолжение. Начало в № 1-2023

ГЛАВА 6

МОБИЛИЗАЦИЯ

Иван Павлович неторопливо листал интернетные страницы, пока не наткнулся на новость из Ивано-Франковска. Недавно там за русские песни избили музыканта, а теперь мэр Руслан Марцинкив сообщил о решении горисполкома запретить исполнение песен на русском языке.

По хитьковской душе словно кто наждаком прошёлся. От боли он даже сжался весь – и внутренне и внешне, снова, как в военном детстве, стал похож на беззащитного воробушка. В памяти неожиданно всплыл образ ивано-франковского парня, талантливого его ученика. По рекомендации преподавателя института Чмиля Анатолия Арсентьевича, тоже родом из Украины, тот поступил в Витебский педагогический имени Петра Машерова, на художественно-графический факультет.

– Анечка, помнишь Байчукова? Он в кандидатской по художественной обработке древесины использовал мою классификацию резьбы. Более ста различных видов мы объединили в пять групп, в каждой две-три разновидности – легко запомнить любому школьнику.

– Витю? А как же! Он ещё за рекомендацией к тебе приезжал. Защищался, кажется, на Украине? – живо откликнулась жена, многие годы проработавшая рядом с мужем в институте, в лаборатории. – У вас и совместная статья вышла в ваковском журнале.

– Я же тогда ему здорово помог методически, выправил теоретические неточности.

– Как он теперь?

– Слышал, что уже доктор наук! – Хитько засветился от гордости, несмотря на то что среди его учеников выдающихся специалистов – хоть отбавляй. По всему Союзу разлетелись, а уж в близлежащих Литве, Латвии, Украине – считать устанешь.

Анна Нифантьевна, ставшая с возрастом легка на слёзу, мгновенно посерела лицом, глаза повлажнели:

– Да я не об этом. Как Витя там, на Украине, когда война? Может, тоже против русского языка, на котором диссертацию защитил? Ненавидит Россию и обижается на нас, белорусов, что не поддержали их бандеровщину пушками и танками против русских?

– Тяпун тебе на язык! – возмутился Хитько. – Как такое подумать могла про Витю? Он в доме у нас был. Вместе чай с твоим клубничным вареньем...

– Ой! – подскочила Анна Нифантьевна с дивана. – Варенье же на огне!

– Сладку ягоду ели вместе, горьку ягоду я одна¹, – закрутилась на языке у Ивана Павловича мелодия популярной в семидесятых годах песни, а мысли погрузились в то далёко-прекрасное прошлое, когда приезжали на учёбу в Витебск ребята с золотыми руками из Одессы и Львова, из Донецка и Чернигова, сам же он продолжал совершенствовать знания в Ленинграде и Москве, а его выпускники и земляки даже возглавляли там кафедры. Да вот, взять хоть Ковалёва Александра, или Лебёдко Валеру, или Козлова, – перечислял в уме дружную компанию соратников со всей огромной страны.

– Аня! – кликнул жену и, убедившись, что она слышит его, поделился новостью: – Говорят, будто на Украине есть мой однофамилец (а может, неизвестный нам родственник?), который – вот удивительно! – тоже занимается резьбой по дереву и даже славится своим мастерством!

– Двойник, что ли? – засмеялась Анна Нифантьевна. – Или точно – родственник! У тебя же фамилия на «ко» заканчивается, значит, корни тоже хохляцкие?

Хитько озадачился, даже почесал затылок:

– Кто его знает? Но мама как-то вспоминала, что дед поговаривал: мол, были мы, вроде, Хитьковы.

– Ай, – махнула рукой жена, – какая разница? Главное, что человек хороший!

На душе у Ивана Павловича мгновенно потеплело. Кажется, мелочь совсем – доброе слово, а солнечно.

Компьютер просигналил, что поступило новое сообщение. Писал знакомый, чем очень удивил, потому что был он так себе, ни рыба ни мясо: ни друг, ни родственник. «Ты читал, что в Кременчуге новое злодеяние русских? – поинтересовался знакомый. – Мало им Бучи, где столько мирных погибло, так грохнули по торговому центру с сотнями людей!»

На душевном небе Хитько заметно потемнело. Он напрягся, нервы заиграли жёсткими желваками на скулах: «Надо ли отвечать?»

Не выдержал, громко застучал по клавиатуре:

«Про Бучу – фейк! И это доказано экспертами. А по Кременчугу... Так не рабочий-то центр! Закрит он. Разве в такое время народ за покупками потащится на окраину, фактически за город, где промзона? Вооружение западное там хранилось, между прочим, а на заводе старое ремонтировалось. Вот туда и ударили. А пожар в магазине возник, потому что близко от промзоны».

«А что ты ещё можешь сказать? – хихикнул оппонент. – Тысячи иностранных корреспондентов с видеокамерами фиксируют зверства русских, но ты называешь это фейками. Если не можешь оторваться от российского телевидения, то есть Интернет. Посмотри! Ты же думающий мужик. Доцент! Это и с твоего согласия, между прочим, сейчас льётся кровь ни в чём не повинных украинцев».

– Опа! – Хитько даже подпрыгнул на стуле и, забыв про больные пальцы, снова застучал по кнопкам:

«Вижу. Читаю. Анализирую. Вроде бы Бог не обделил меня таким умением. И имею свою точку зрения, которую не желаю здесь обсуждать!»

«Знаем, знаем, – издеваясь, давил собеседник, – ваша борьба всегда на стороне власти...»

«Чем тебе власть не угодила? Если когда гайшник или начальник твой обидел, так ведь это не власть. Ты посмотри на себя со стороны: катаешься, как сыр в масле! – распалился Иван Павлович. – Квартира большая, дача благоустроенная, машина, работа, карьера. Опять же – за твой профессионализм – уважение коллег! Дочь в России выучилась за государственный счёт, обзавелась собственным

¹ «Сладка ягода» (песня из к/ф «Любовь земная»). Музыка Евгения Птичкина, стихи Роберта Рождественского.

жилым и автомобилем. Чего тебе ещё не хватает? Зачем ты в двадцатом, во время беснования новых революционеров а-ля Тихановская¹, белые ленточки в Минске развешивал?»

На том конце провода, если можно так выразиться, подразумевая Интернет, возбуждённо зашевелились, словно получили порцию свежей энергии:

«Свободы! Справедливости! Милосердия! Чтобы меня за человека считали, как во всём цивилизованном мире! А ты, ты... прихвостень провластный! Из-за таких, как ты, на Украине – война!»

«А из-за таких, как ты, питающихся фантазиями западных пропагандистов, там процветает – фашизм!» – огрызнулся Хитько.

«Живите, как в сумасшедшем доме!» – неожиданно вспомнились ему слова священника Григория Григорьева, который при этом ещё добавляет полюбившуюся фразу из кинофильма «Иван Васильевич меняет профессию»²: «И тебя вылечат, и меня вылечат!» Нынешние же события на Украине сравнивает с туманом. Мол, в тумане плохо видно, надо подождать, пока рассеется, тогда всё и прояснится.

Иван Павлович ещё раз произнёс ставшую крылатой фразу вслух: «Живите, как в сумасшедшем доме!» – и вдруг стало легко и спокойно, словно кто-то загасил разгоравшийся огонь холодным душем. «Нет, я не предавал своей Родины – советской страны, не предавал и сегодняшнюю Россию, и сегодняшнюю Беларусь. А Победа в Великой Отечественной для меня была и остаётся – святой!» – окончательно успокоился Хитько и решительно выключил компьютер.

Во дворе пёс рвался с привязи, оглашая окрестности свирепым хриплым лаем. Соседка Верка, глазо-любопытная баба, застыла у калитки, не решаясь пройти дальше. И как только из-за двери показалась хозяйка, разразилась повторяющимся изо дня в день возмущением:

– Навошта вы эту злющую псину завели? Никому она не была нужна. То Федьку оббрешет – тот её краской облил, то щенят выведет у Петьки за туалетом, то всю ночь воет, беспризорная, аж тошно становится. Так бы и прибила сволочную тварь!

– Божья она тварь, – уже в который раз, нехотя, возразила Анна Нифантьевна.

В это время, словно поддерживая её, одобрительно каркнула и, чтобы лучше слышать, перелетела на ветку ниже ворона, устроившая на верхушке берёзы наблюдательный пункт. Она внимательно следила за происходящим во дворе, неустанно вертя головой во все стороны.

Соседка не сдавалась:

– В город поедете, куда псину денете? Всё одно деревенские мужики её здесь прикончат!

– С собой заберём, – не соврала Нифантьевна, и собака, благодарно лизнув ей руку, снова рванулась к калитке так, что чуть не оборвала верёвку.

Не поднимая глаз, хозяйка поинтересовалась у Верки:

– Тебе чего? Или про собаку поболтать?

Та встрепенулась:

– Ой, чего слыхала-то! У тебя родня на Украине есть?

– Тебе какая разница?

– Так там жа-а-а! – соседка чуть не поперхнулась от волнения. – Женщин в армию забирать будут!

– Это в Израиле женская воинская обязанность. Путаешь, наверно.

– Нет! На Украине! Своими ушами! Аж до шестидесяти годов! Кроме беременных и с малыми детьми, – доложила и уставилась неподвижным взглядом.

«Вот змея!» – подумала Анна Нифантьевна, уставшая от бесконечных претензий, обид и наговоров языкастой бабы.

– Быть такого не может! – махнула рукой, будто отгоняла назойливую муху. – Некогда мне, варенье на плите!

¹ Светлана Георгиевна Тихановская (урождённая Пилипчук; род. 11 сентября 1982 г., п. Микашевичи, Лунинецкий район, Брестская область, Белорусская ССР – кандидат в президенты Республики Беларусь на выборах 9 августа 2020 года. Согласно официально объявленным результатам, Тихановская набрала чуть более 10 % голосов и заявила об узурпации власти действующим президентом, призвала провести новые выборы. В Белоруссии начались акции протеста, организованные с целью попытки совершения цветной (белой) революции. 11 августа 2020 года Тихановская покинула Белоруссию и обосновалась в Литве, объявив себя национальным лидером Белоруссии.

² Советская фантастическая комедия 1973 года, снятая режиссёром Леонидом Гайдаем по мотивам пьесы Михаила Булгакова «Иван Васильевич».

Однако соседка не соврала. Потери украинской стороны были настолько велики, что истинное число погибших скрывалось и от своего народа, и от мирового сообщества. Мужчин отлавливали на улицах и в магазинах, вручали повестки или сразу конвоировали в военкомат.

В памяти Анны Нифантьевны всплыла забытая картинка 2014 года. Купе плацкартного вагона «Кишинёв – Санкт-Петербург». На границе Беларуси и России проверка документов. Взмокший от волнения пассажир – крепкий рыжеволосый парень, лет около двадцати пяти, судорожно копается в дорожной сумке, разыскивая билет и паспорт. Дрожащими руками протягивает пограничнику.

Она же в это время успевает заметить на страничке документа жёлтый трезубец. Когда проверяющие удалились, полюбопытствовала как можно доброжелательнее:

– Издалека путь держите?

Парень испуганно поднял на неё глаза, лихорадочно решая, можно ли говорить правду. На его потном бледном лице беззащитно сияли веснушки, придавая ему выражение детской беспомощности. Второй же попутчик, оказавшийся отцом удиравшего от призыва украинца, держался спокойнее:

– С Волыни. Сами знаете, что сейчас творится у нас. Так что мы – от греха подальше!

– С Волыни? – вздрогнула Анна Нифантьевна. – Там же у вас в сорок третьем «Волынская резня» была! Бандеровцы целый год резали головы, расстреливали, грабили, сжигали людей. Этническая чистка. Несколько десятков тысяч поляков, русских, белорусов – всех под топор.

Бледное лицо рыжего вдруг покрылось красными пятнами, а его отец, опустив голову, чуть слышно выдавил:

– Не знаем. В первый раз про такое... – И, не желая продолжать разговор, торопливо достал тюфяк, чтобы, забравшись на верхнюю полку, спрятаться от людей и вопросов...

«Где они теперь? Живы ли?» – забеспокоилась Анна Нифантьевна. Принесённые соседкой новости о мобилизации не давали покоя.

– Вот характер дурной! – причитала вполголоса, ругая себя. – Тебе-то какая разница? Чужие, незнакомые, просто попутчики. Слава богу, что они тогда убежали из Украины! Пожалуй, это лучше, чем стрелять в деток и баб. И не в Европах с Израилями скрылись, а в России-матушке!

Она аккуратно сняла на блюде пенку, собравшуюся на поверхности клубничного.

– Пена-то сойдёт. Главное, чтобы варенье не убежало! – улыбнулась Анна Нифантьевна трущемуся у ног коту и снова задумалась.

Ситуация на Украине – врагу не пожелаешь! Куда ни кинь, всюду клин! Как в сказке на распутье у камня: куда ни пойдёшь, всё голову потеряешь. Налево свернёшь – тероборону¹ найдёшь, направо – тюрьмы не минуешь, а прямо пойдёшь – в ВСУ попадешь! Даже гражданин Израиля с русским именем и фамилией, пытавшийся пересечь границу, чтобы уехать домой, был остановлен бдительными украинскими службами и оказался на передовой.

Власти уже стали присматриваться даже к выпускникам школ (украинский «гитлерюгенд»!), вспомнили и про законодательство страны о женской мобилизации и службе в вооруженных силах, по которому с первого октября двадцать второго должен начаться процесс постановки на воинский учёт военнообязанных женщин. Это повара, переводчики, ветеринары, врачи, медсёстры, психологи, работницы систем коммуникаций, химической промышленности и даже издательского дела и полиграфии. По стране поползли слухи, на кухнях начался переполох, СМИ попытались успокоить, объясняя, что будет учитываться и состояние здоровья, и наличие на иждивении несовершеннолетних, инвалидов и многое другое.

Но страх, беспокойство, тревога и без того напуганных украинских женщин уже выплеснулись наружу и потекли из дома в дом, из деревни в деревню, из города в город, докатились даже до белорусов.

¹ Тероборона официально создана на Украине в январе 2022 года. Численность – 130 тыс. человек, записаться могли все граждане Украины. Каждая бригада отвечала за один регион страны. Теробороне было разрешено использовать артиллерию и действовать в районах боёв. Командующий – президент Украины Владимир Зеленский. Фактически тероборона возникла на Украине ещё весной – летом 2014 года. Впоследствии батальоны были переформированы в мотопехотные и переданы в состав бригад Сухопутных войск. Личный состав стрелковых батальонов проходил обучение по тактической, огневой, инженерной, медицинской и специальной подготовке на военных полигонах во время военных сборов.

– Ваня, – позвала мужа Анна Нифантьевна, не в силах удерживать тревогу при себе, – мужиков извели, неужели теперь за детей и женщин возьмутся? – Её испуганные глаза потемнели и от этого стали насыщенно-синими, как васильки на пшеничном поле неподалёку от дачи.

Хитько задумался, ему хотелось ответить спокойно и убедительно, и он тщательно подбирал слова:

– Вдруг вспомнилась статья в российской «Парламентской газете», в электричке кто-то оставил, а я от нечего делать прочёл. Это несколько лет назад.

– Тогда ещё машина в ремонте была?

– Да, – кивнул Иван Павлович. – Прочёл и забыл. Уж очень она мне фантастичной показалась в то время. Подумай сама, что означают призывы заокеанских покровителей Зеленского сражаться «до последнего украинца»? То, что им не жаль людей, ясно без перевода. Надеются ослабить Россию? Но они прекрасно понимают, что русские всё равно победят и что они совсем не одиноки в этом мире. Чего стоят только Китай и Индия! Тогда зачем всё это?

Анна Нифантьевна слушала внимательно, ловила каждое мужнино слово.

– Ответ, может быть, спорный, но есть! – загадочно улыбнулся Хитько. – Обозначен предельно чётко: территория Украины подходит для переселения туда американцев, которые планируют занять ещё и соседние государства: Польшу, Литву, Латвию, как слабые и бесперспективные. Так заявила Хиллари Клинтон¹.

– Им Америка мала стала? – жена не скрывала удивления.

– Нет. Всё проще. Северной Америке грозит катастрофа. Континент находится на гигантском тектоническом разломе, и даже не на одном. Такие трещины опасны сами по себе, но ещё способны пробудить Йеллоустоунский вулкан.

– Ой, – замахала руками Анна Нифантьевна, – действительно фантастика! Ну, допустим, американцы хотят переселиться, а местных куда?

– Этот вопрос тоже продуман. Излишки отправят на Ближний Восток, – выдохнул Хитько и вздрогнул, словно от озноба, хотя на дворе стояла непривычная жара.

– Вот это да! Вот это цинизм! Ни в какие ворота! – возмущение так и распирало жену. – Горе-то какое! Теперь точно украинских женщин на войну мобилизуют, если до такого додумались! – Она громко хлопнула входной дверью, через которую, несмотря на занавески, на кухню проникали настырные осы, учуявшие запах варенья.

Любопытная ворона тут же плавно спланировала во двор, аккуратно сложила крылья и степенно, но решительно двинулась к собачьей будке. Пёс приветливо завил хвостом и с готовностью отошёл в сторону от обеденной миски с остатками перловой каши на костном бульоне. Птица для надёжности оглянулась, каркнула: мол, всё вижу и слышу, – и принялась подчищать собачью посуду.

ГЛАВА 7

ПОДВОХ

Перечитав письмо дважды, один раз вслух – жене, Павел Ефремович отыскал страницу, где сын писал о призыве в армию, и принялся читать снова: «Вызвали меня в военкомат, сказали, что служить буду в частях береговой обороны ВМФ, на флоте значит. Я спросил, успею ли в Городок – родителей навестить? Ответили, что езжай...»

Письмо прилетело из-за Полярного круга, из Мурманской области. Вот куда занесло Ивана! Тыщи две расстояние. А ведь как просил сына поближе к дому обустраиваться. Нет же – путешественник!

...Целыми днями Павел Ефремович разгружал вагоны с солью. Долбил ломом двухметровую закаменелую гору, лопатой накидывал на носилки и, вместе с товарищем схватившись за просоленные деревянные ручки, – вниз по сходням. В конце дня, измотанный, доволакивался до вокзального буфета и прирастал к стулу в глухом углу.

¹ Хиллари Дайан Родэм Клинтон – американский политик, на выборах в 2016 году – кандидат в президенты США от Демократической партии.

Не дождавшись мужа с работы, Ефросинья Ивановна бежала к вокзалу, стаскивала чуть живого благоверного с пригретого места, подставляла ему под руку своё, почти детское, плечико и, стыдясь людей, вполголоса, поливала его голову накопившейся женской горечью:

– Сколько ж можно? Себя не жалеешь, хоть бы нас пожалел! Опять, как свинья, – причитала до самого дома.

Сравнение с домашним животным было Павлу особенно оскорбительно-обидно, в глубине души он чувствовал, что оно несправедливо, хотя не догадывался, почему. Не мог же знать, что без малого через двадцать лет, в семидесятых, в Киеве, на киностудии имени Довженко, на документальных съёмках случится непредвиденный эксперимент, который подчистую оправдает, правда, не его, а хрюшку. Кто-то из съёмочной группы, ради смеха, подольёт в корыто героям фильма, поросётам, пиво. Результат и насмешит, и ошеломит. Животные, забыв страх, нарушая иерархию, действительно начнут вести себя по-свински. Но на следующий день, когда вожак, приблизив пяточок к еде, снова учует в ней пивную добавку, то перевернёт корыто и не подпустит к нему ни одного поросёнка. Вот тебе и пьяная свинья!

Глядя в очередной раз, как мать стаскивает с отца грязные, в белых соляных разводах сапоги, как тот, откинувшись на кровать, пьяно хрипит: «Фрося, любимая, прости ты меня, дурака!» – Иван не выдержал:

– Папа, ты же сильный, сколько лет в кузне молотом отмахал! Бросай пить – ты сможешь! Совсем бросай! Я учиться в Ленинград уеду – как мамка останется одна, если ты вот такой?

Хрип прекратился. Павел Ефремович уставился на сына мутными, покрасневшими глазами, на багровых щеках заиграли желваки:

– Какой Ленинград?

– Вместе с Толиком Сидоренко и Вовкой Николаевым – в электротехническое поеду!

Отец ухватил подушку крепкими, как клешни, пальцами и с размаху запустил в сына:

– Я тебе поеду в Ленинград! Ишь, удумал!

Вёрткий парнишка ловко нырнул за комод, перьевой снаряд рыхлой лепёхой шмякнулся на крышку. Громко огрызнувшись: «Пить бросай!» – Ваня выскочил в сени.

– Ужо брошу! – вслед скрипнул зубами старший Хитько и, снова повалившись на кровать, захрапел. И не понять было, всерьёз ли пообещал или спьяну брякнул?

Утро рассыпалось по земле огненными бусинками росы, обещая тёплый безветренный день, птицы вразнобой распевали голоса, но громче всех, перепархивая с ветки на ветку на отцветшей сирени, орал воробей, живший под стрехой.

Павел Ефремович, сильно осунувшийся после беспокойно-болезненной ночи, с бледно-прозрачными мешками под глазами, виновато уселся на край сыновней постели и терпеливо ждал, пока тот проснётся. Много из вчерашнего забылось напрочь, но то, что Ваня собрался уехать из дома, врезалось в память болезненной занозой.

– Воробышек мой! – шептал с тревогой в голосе, и сердце гулко колотилось в такт паровозным колёсам, отстукивающим невдалеке, сразу за Сенной, где жили Хитько, строгий железнодорожный ритм. – С кем же я буду сено косить, если ты из гнёздышка вылетишь? Мои силы тают потиху. – Он с сожалением взглянул на свои мозолистые, шершавые ладони, с неровными шрамами от кузнечных ожогов. – Когда работал на кузне, что за заготконторой, ты мне всякую железяку туда тащил, мол, пригодится папке...

На воспалённые глаза Павла Ефремовича накатила мутная влага: то ли слёзы умиления, то ли это буфетная пьянка наружу выходила. Вдруг вспомнился собственный отец – Ефрем Николаевич. Как готовили с ним стога на зиму. «Четыре сделаем – один твой, сынок, пользуйся!» – обещал Павлу. Пока сам был здоров – не угнаться. Потом уже про три стога говорил, а в последнее время, подслеповатый, слабый, косить совсем не мог и, сидя на завалинке, всё окликал младшего внука, драгоценного наследника, потому как среди всех внуков он был единственным мальчиком: «Ваня! Ваня!» Когда тот долго не отзывался, начинал тревожно оглядываться, прислушиваясь к звукам во дворе. Его подбородок с жидкой, почти белой от седины щетиной беспокойно вздрагивал, и губы мелко тряслись от волнения.

Болезненно сморщившись, Павел Ефремович потёр раненное войной плечо, которое с годами всё больше давало о себе знать.

– В прошлый-то раз Иван меня уже обогнал на покосе! – то ли удивляясь, то ли упрекая, он повысил голос, да так, что парнишка проснулся. Удивлённо уставился на отца:

– Ты чего тут?

– Сынок, нельзя тебе в Ленинград! Антонина упорхнула в далечину, так она мужняя жена, ниточка за иголочкой. А мы-то как с мамкой? Стареем же! Поближе давай, в Витебске учиться можно. У тебя же талант художественный, учитель сказывал! Вот, не пушу тебя, не серчай только.

На экзамены в Витебское художественное Ваню лично доставил Борис Иванович Майоров – городокская легенда. Его работа – многократно увеличенная копия картины «Утро нашей Родины» Фёдора Шурпина с изображением великого вождя Иосифа Сталина на фоне необъятного пространства Родины – многие годы украшала фойе старого кинотеатра. Как и две другие работы художника, тоже копии, только куда более скромного размера. Во время же войны старшина Майоров числился ещё и художником в штабе у самого Рокоссовского. По его приказу он не просто женился, но даже венчался с возлюбленной медсестрой Машей в Кёнигсбергской кирхе. «Мы ж православные!» – пробовал сопротивляться несветскому бракосочетанию. «Ничего, все мы – христиане!» – отрезал командующий. После Победы молодые обосновались в Городке. В школе Майоров вёл рисование, черчение, после уроков – кружок. Ваня Хитько ему полюбился, и он по-отечески его опекал: привозил из Москвы дефицитные краски, кисточки, книги по искусству. Уж больно талантлив был мальчонка!

В тот год, тысяча девятьсот пятьдесят пятый, в училище объявили особый набор: взамен убывших в ряды Советской армии требовалось принять одиннадцать выпускников со средним образованием, сразу на второй курс, чтобы заполнить образовавшуюся брешь. Решить задачу вызвалось более пятидесяти абитуриентов. В комиссии восседали два Валентина: Карлович Зейлерт и Константинович Дежиц, заведующий кафедрой, – мышь не проскочит! Но работы Хитько: карандашные, акварельные, маслом – натюрморты с яблоком, ковшом и гипсовой фигуркой, и домашняя работа маслом на холсте «Смольки», ни у кого не вызывая сомнений, были оценены на отлично. Позднее их отправили на выставку, и автор получил в награду грамоту и книгу «Ратоборцы» Алексея Югова. Итак, Ваня вошёл в золотую десятку. Предстоял экзамен по русскому. «Ну, теперь хоть на тройку, лишь бы не завалить!» – радовались пятёрочники.

– Чего сияете? – Незнакомец, неприметной внешности, словно привидение, с альбомом репродукций Серова и «Каталогом Третьяковской галереи», смотрел свысока. – Мечтаете стать Левитанами? Васнецовыми? Шишкиными? А в деревню учителем рисования не хотите? – он кисло скривился. – Чего тарашитесь? Вот я уже окончил это училище, и что? Направили в глухомань! Сидеть теперь там до скончания века. Потому что не заметишь, как женишься, обзаведёшься детишками, хозяйством (а как в деревне без него?). Вот жизнь и прошла! Одна единственная! – Он снова скривился и, не дождавшись ответа от ошарашенных его явлением абитуриентов, со злорадным блеском в глазах победно зашагал к выходу.

Беспокойная душа Хитько не на шутку всполошилась, словно очутилась на Сорокадневной горе Искушений: «А как же мечта – мир повидать?» Да и бесёнок тут как тут, подсказки на левое ухо нащёптывает. Не выдержал Ваня, поддался соблазну. На экзамене по русскому не то чтобы забыл, но словно и не знал никогда правил орфографии и синтаксиса.

– Провалился я! – оглушил известием родителей, учителя Майорова и директора Захарова.

– Быть не может! – не поверил Борис Иванович.

– Срочно разобраться! – порекомендовал Василий Ильич.

В приёмной комиссии Павлу Ефремовичу показали экзаменационный листок с диктантом сына и только руками развели. Возвращался он в Городок темнее тучи, такой беды не чаял, такого подвоха от Ванюши не ожидал.

Младший же Хитько ликовал! И отца не послушался, и хитрость удалась, и дорога к мечте открыта. Теперь – в Ленинград!

– Ну что ж, езжай, – смирился Павел Ефремович и посмотрел умоляюще: – Постарайся хоть распределиться ближе к дому!

Иногородних набирали на отделение сварщиков. Однако Иван и здесь отличился, ведь он был младше одноклассников на год, потому в сварщики, как они, семнадцатилетние, не годился по возрасту. В приёмной тщательно и безошибочно заполнил заявление: «Прошу зачислить меня на отделение электромонтёров станций, подстанций и электросетей...»

ОТ БАЛТИЙСКОГО ДО БАРЕНЦЕВА

За окном мелькали полюбившиеся северные пейзажи в жёлто-огненных красках осени. Каменистые сопки, бесчисленные озёра и речушки со скалистыми берегами, россыпи огромных валунов, болотца с низкорослыми, коренастыми берёзками и жилистыми сосенками – всё так явственно дышало суровой, могучей силой земли, что у Хитько от восторга участилось дыхание, спазмами перехватило горло. «Красотища!» – едва не задохнувшись, прошептал он.

А мысли уже несли его в предстоящую неизвестность – армейскую службу, и рисовали в безудержном воображении романтические картины, где и геройство, и трудности, и строгость командиров, и обязательная армейская дружба, даже некая соборность солдатской жизни.

«Как у нас в жодинской общаге!» – светло вспомнил недавнее время, когда после Ленинградского училища распределился поближе к родительскому дому, в Белоруссию, на Смолевическую ГРЭС. Станция, история которой началась ещё в 1938 году выбором площадки под строительство, фактически заработала в пятьдесят первом. Молодого специалиста Ваню Хитько прописали в общежитии, предоставили койку в комнате, где таких же ребят – как в кадушке малосольных огурцов. Рабочих рук требовалось много, ведь в Жодино велось и большое жилищное строительство, расширялся, реконструировался завод торфяного машиностроения, готовясь к производству двадцатипятитонных, а затем и сорокатонных самосвалов МАЗ, – будущий Белорусский автомобильный завод.

Широкая улыбка непроизвольно растянулась на лице Ивана, и он вдруг хохотнул в голос, так, что пассажиры с нижних полок, женщина и девочка-подросток, подсевшие в купе в Кандалакше, удивлённо подняли на него глаза. Девушка, видимо, приняла смех на свой счёт и густо покраснела. Хитько заметил и, чтобы сгладить неловкость, ударился в воспоминания:

– Случай был! Вызывают меня и моих товарищей по комнате в общежитии к коменданту. В чём дело? «Жалоба на вас поступила!» Мы переглянулись – понять не можем, вроде не пили, не дрались, не ругались. Оказывается, уборщица озадачилась: мол, мы её оскорбляем – проверяем на вшивость! «Это как?» – понять не можем. «Деньги специально в тумбочке оставляете!» – «Так у нас же коммуна! – хохочем. – Мы зарплату в одну тумбочку складываем. Кому сколько требуется – бери! Только предупреди товарищей».

Глаза у женщины с нижней полки округлились до невообразимых размеров, хотя и без того были навывкате.

– Вы серьёзно?

Иван кивнул и снова искренне рассмеялся. Девушка лишь подёрнула острым плечиком, боясь попасть впросак, ей всё равно было непонятно, правду ли рассказал попутчик или подтрунивает. И когда он предложил ей яблоко, из тех, что мать прислала в деревянном посылочном ящике, от которого шёл такой сногшибательный антоновский аромат, что народ на почте завистливо смотрел вслед получателю, она смущённо, но решительно отказалась.

Хитько оставил яблоко на столе и снова уставился в окно. Заполярье постепенно уплывало назад. Высоченные сосны, ёлки и стройные берёзы давно сменили тундровых коротышек, но скалистые сопки, раскрашенные красно-бордовым, алым, оранжево-жёлтым вперемешку с зелёно-хвойным разных оттенков, тёмные и глубокие воды рек и озёр, отражающие сочно-синее небо с низким полуденным солнцем, продолжали дышать русским Севером.

«Береговая оборона! – восторженно думал Иван о будущей службе. – Это же – у моря!» Море он видел.

...Ленинградское управление «Севтеплоэлектромонтаж», от которого работал молодой специалист Хитько, объявило набор желающих на работу в Прибалтику.

– Я! – отозвался Иван, готовый отправиться куда угодно, так мучила его жажда увидеть страну.

Но в Нарве только начинали строить электростанцию, на которой планировалось использовать местные низкосортные сланцы. Работы по специальности не было. Помыкался два с половиной месяца и рванул в Таллин, где готовилась к пуску вторая турбина тепловой электростанции на берегу залива Балтийского моря.

Конечно, Балтика не была Ивану в новинку. Пока учился в Ленинграде, с другом Игорем Егоровым не раз катался на катере по Финскому заливу. Ах, какие тогда были закаты! Солнечные лучи растворялись в тяжёлых, железных водах, и море светилось радужными красками. И было непонятно, то ли это небо растекается по волнам, то ли море плещется в небесах.

Залив в Таллине показался теплее, больше смахивал на южное море. Возможно, оттого, что качались в его изумрудных водах романтические белые парусники, над которыми беспокойно кружили говорливые чайки, вычерчивая в синем небе незамысловатые виражи и бесстрашно пикируя вниз.

Но особенно ярко вспоминалось море штормовое. Грозное, роковое, с необузданной силищей швыряющее на берег многотонные волны, оно словно бросало вызов суше и небу. При мысли о лодках, кораблях и людях, очутившихся в эту минуту во власти бушующей стихии, становилось жутко, и душа скукоживалась, и сам себе казался Иван маленьким, взъерошенным воробушком, приплюснутым к земле, потому что небо нависало над ним тяжёлыми, мрачно-чёрными штормовыми тучами, похожими на жёсткие крылья грозного коршуна.

Довелось Хитько увидеть и Баренцево море, хоть и не думал, не гадал. Всё из-за футбола!

Иван закрыл глаза. Колёса мерно, словно часы, отстукивали километры, отматывая назад железные рельсы, а вместе с ними вертелось, летело неуловимое время, приближая почти осязаемое прошлое.

– Ура-а-а! – размахивал потрёпанной кепкой, подкидывал её, ловил и снова размахивал Костя Копылов, когда-то игравший в составе ленинградского «Динамо», а теперь командовавший футболистами Кировской ГРЭС. – Мы в финале, ребята!

Он обнял Ваню Хитько, оторвал от пола и закружил, как ребёнка.

– Финалисты первенства Карелии, друг мой! – орал на весь барак. – Теперь последний бой – едем в Североморск! Сразимся с моряками Северного морского флота!

Костя напялил на голову Ивану свою кепку, как знак большого дружеского доверия, и торжественно распорядился:

– Собирай команду! Обсудим подробности.

Для поездки в Североморск начальство отжалело новенький «ПАЗ-651». Он петлял между сопок, порою разгоняясь по каменистой грунтовой дороге больше восьмидесяти километров в час, ребят даже подбрасывало на жёстких сиденьях. Вцепившись руками в спинки, они похохатывали, подшучивая друг над другом, а Хитько не отрывал взгляда от окна, ожидая, что вот сейчас, за очередной сопкой, мелькнёт вдаль необъятная водная гладь. Но Баренцево не появлялось.

Ах, как жалел Ваня, что забыл взять фотоаппарат! Восторженно и жадно, словно душа изгодалась по прекрасному, он впитывал, вбирал в ненасытную память неоглядную ширь тундры, густо покрытой цветущим брусничником с глянцевыми листочками, раскидистыми кустиками черники, иглистой, стелющейся по камням водяникой; ювелирную красоту вынырнувшего из-за поворота прозрачного озера, сверкающего на солнце, словно голубая льдинка в обрамлении ажурных морошковых зарослей; звонкую хрустальность шумливой речушки, то, будто играючи, плавно перекатывающей разноцветные камушки, то несущейся бурным потоком по скалистому ложу русла, то спадающей водопадом с крутых валунов, то разливающей по низине холодные, искрящиеся воды, чтобы, угомонившись, утихомирившись, замереть во мшистом тундровом болотце.

Хитьковская рука тянулась к карандашу и блокноту, которые всегда лежали в кармане брюк, но автобусная тряска, перехватывая инициативу, всякий раз вырисовывала на листке бесформенные каракули, потешаясь над художником. Кривые, тощие берёзки, жмущиеся к подножью сопок, и те плясали на листке, разбрасывая корявые ветки во все стороны.

Оставив бесполезные попытки совладать с карандашом, Иван залюбовался вершинами сопок, которые, отдавая чуть заметной акварельной голубизной, светились серебристыми, шершавыми заплатками оленьего мха-ягеля. Потом долго провожал глазами одиноко летящего лебедя и вдруг заметил вдаль возникающие, словно миражи, крыши домов.

Столица Северного флота, куда направлялся автобус с футболистами, расположилась на месте рабочего посёлка Ваенга, так именовалась и местная река. В пятьдесят первом звучало новое название военного городка – Североморск. Всего в двадцати пяти километрах от Мурманска, на восточном берегу незамерзающего Кольского залива, появились военно-морские базы и аэродромы Севера. Именно здесь предстояло ребятам сразиться с моряками, попытать футбольного счастья.

Проиграли. Со счётом 3:0. Однако морское начальство, ошачливленное таким славным для него исходом встречи, проявило должную заботу и милосердие к противнику, потерпевшему сокрушительную неудачу. Чтобы утешить и хоть чуть-чуть сгладить горечь поражения, для гражданских футболистов была организована экскурсия на побережье и даже позволено посмотреть (издали!) на советские подводные лодки.

За сопками, которые, словно древние ящеры, выгнув бугристые спины, застыли на берегу, открывалось оно, Баренцево море, постепенно и незаметно растворяющееся в Северном Ледовитом океане. В его тёмно-свинцовой, густой воде лежали в ряд длинными, неподвижными, хитрющими зубастыми щуками – подводные лодки.

А ведь Иван уже видел такую! В Ленинграде, вместе с вездесущим Игорем Егоровым, стал свидетелем грандиозного события: спуска на воду построенной на заводе № 194, бывшем «Судомехе», единственной скоростной, шестьсот семнадцатого проекта, первой в мире боевой, с мощностью подводного хода на один вал – семь тысяч двести пятьдесят лошадиных сил!

...Хитько открыл глаза. На душе было так благостно, что не хотелось возвращаться из недавнего прошлого в этот старый вагон с надоедливym звяканьем. В пустом стакане на столе дребезжала чайная ложечка. Женщина с нижней полки, громко посапывая, спала, отвернувшись к стенке. Девушка тоже уснула, уткнувшись носом в раскрытую книгу. «Всесильна вагонная дрёма! – улыбнулся Иван, потягиваясь и, возвращаясь мыслями к Североморску. – Может, снова занесёт меня судьба в город моряков – охранять подводные лодки?»

ГЛАВА 9

ВОРОНЫ ЯЙЦА

В Городке лил дождь. С вокзальной крыши он скатывался, как с детской горки, и звонко шлёпался о землю, рассыпаясь в брызги, которые долетали до скамеек, оплёскивая их дорожной грязью, впрочем, тут же смываемой щедрыми небесными потоками. Дождь шумел в высоченных тополях на круглой вокзальной площади и вдоль улицы, ведущей в центр города, в красных георгинах в палисаднике начальника вокзала, в молодых, послевоенных яблоньках на приусадебных участках. Обмывая от пыли каждый листок и веточку, он, не умолкая, уговаривал их потерпеть для их же блага, уж он-то знал в жизни толк. А потому старательно смывал слёзы со щёк маленькой, хрупкой женщины, встречавшей на перроне поезд, которым ранним утром прибывал её сын Иван Хитько.

«Удивительный народ, эти женщины, – думал дождь, глядя прозрачными нежными пальцами худенькие плечи Ефросиньи Ивановны. – Радоваться надо, а она плачет! Вот муж её – совсем другое дело, потому как мужеского роду-племени. Хоть и волнуется, хоть и слеза подступает, да сдюжит! Ну, да смоем мы бабью несурязицу эту, сынок ничего и не заметит. А мы его с дороги тоже ополоснём, чай, запылится на верхней-то полке, по чистому родному воздуху соскучился...»

Иван глубоко вдыхал грудью и не мог надышаться после северного сухого воздуха и тамошнего дефицита кислорода. Дома же лил освежающий дождь. И тополино-яблочный, целительный аромат разливался по всей округе.

– Деревья ещё выше стали! – отметил сразу, как только вышли на вокзальную площадь. – Ох, и полазил я тут! – засмеялся и, задрав голову, стал выглядывать в листве вороны гнёзда.

– А как ногу об железную бочку располосовал, помнишь? – мать горестно поджала губы, словно это случилось не десять лет назад, после освобождения, а сейчас.

...Пленные немцы недалеко от вокзала готовили к отправке древесину, которая поступала по узкоколейке из Веречья и Смоловки. Тесали, ошкуривали, обрезали брёвна, грузили в вагоны. Привозили немцев утром, вечером за ними приходила машина. Ваня остановился возле часового и, слегка наклонив голову, словно любопытная сорока, разглядывал заклятых врагов. Худые, понурые, с потухшими глазами, в потрёпанной немецкой форме без знаков отличия, они, казалось, были совсем неопасными, жалкими людьми. «Хозяевами стать хотели? Вот и хозяйствуйте теперь – готовьте стойки для наших шахт», – беззлобно подумал он, а вслух спросил у охранявшего их солдата:

– Кормят-то здесь пленных?

– Обедают, как время придёт. А ты, может, за них переживаешь? – усмехнулся тот и поправил автомат.

– Не-е, – протянул Ваня с безразличным видом, – смотрю, что отощавшие они, так много ли работают?

– От злости тощат, – снова усмехнулся часовой. – Моя б воля, положил бы сволочей очередь, – он снова поправил автомат и смачно сплюнул.

Ваня вспомнил, как за кладбищенской оградой, чуть поодаль от места, где раньше церковь стояла, пока фашисты не взорвали, военные выкопали бульдозером две огромные траншеи и захоронили в них трупы немцев. Свалили без гробов, чтобы только предать земле. Собаку дохлую и то закопать надо, а тут всё-таки люди... «Или псы поганые?» – Хитько двинулся вдоль вагонов к вокзалу и снова стал внимательно разглядывать фрицев, словно отыскивал в них признаки принадлежности к собачьему роду. Один из них вдруг поманил его пальцем:

– Поймать... Krähe... Ворона... Яйко... Krähe, – и показал на вороньи гнёзда, во множестве облепившие привокзальные тополя.

– Чего? – опешил Ваня.

– Он просит, чтобы ты поймал ворону или достал вороньих яиц из гнёзд, – словно из-под земли возник улыбчивый человек, выполнявший обязанности переводчика.

– Чего? – недоумевая, снова повторил Ваня и уставился на немца.

– Кушать, – фриц смотрел виновато-умоляюще.

– Кормят-то их постно, – пояснил переводчик, – чтоб грехи было легче замаливать! – весело подмигнул мальчику. – А мяса-то им хочется, волчья-то порода, как без мяса? Им бы всё – куры, яйца! Любители... Чтoб вы лопнули! – он вдруг гневно чертыхнулся.

Ваня снова посмотрел на немца и встретился глазами с его взглядом, жалостливым, усталым, покорным, – точь-в-точь собачьим.

На вокзальной площади присмотрел тополь, по которому было удобнее добраться до гнезда. Вот и железная бочка рядом – перевернуть, сначала взобраться на неё и дальше – по толстым веткам. Ваня разулся, высоко подвернул штанины.

С дерева летел вниз, как неоперившийся птенец, считая тополиные сучья спиной, боками и мягким местом. Задел бочку, она перевернулась и ржавым, острым краем саданула по голой ноге, хлынула кровь. Однако необъяснимо, словно чудом, собранные в кепку вороньи яйца сохранились целёхоньки!

Ваня, охая от боли, облепил ногу листьями подорожника, опустил штанины и, прихрамывая, направился к голодающим немцам.

Часовой удивлённо разглядывал мальчишку. Из его всклокоченных волос на голове торчали рваные тополиные листья, рубаха на спине разодрана, серые штаны в бурых пятнах, в руках – кепка с яйцами, на лице – радостная улыбка.

– Они же убивали вас! Вешали! Голодом морили! Сжигали! – обводя пленных ненавидящим взглядом, возмущённо закричал солдат срывающимся голосом.

– Есть просят... Люди же! – вдруг растерянно, по-ребячьи всхлипнул Ваня.

В другой раз вместе с мальчишками обнаружил он в немецком блиндаже печенье. Ровными рядами пачки были уложены в картонной коробке. Юрка Михайлов достал одну, понюхал, втягивая раздувшимися ноздрями воздух, громко чихнул и вынес вердикт:

– Пленным отнесём! Пусть сами своё, фашистское, лопают!

На самом деле он был бы не прочь открыть пачку и захрустеть вражьем лакомством, но отец строго-настроено предупредил, чтобы найденные в немецких траншеях вещи – губные гармошки, сигареты, игральные карты, фляжки и всякую всячину, а также продукты – не трогали, домой ничего не тащили. Мало ли какие сюрпризы приготовили фашисты, отступая.

Коробку с печеньем мальчишки принесли к вокзалу и, в обмен на щепу, отличную печную растопку, щедро предложили пачки пленным:

– Битте! Кушайте на здоровье! Ваше, германское!

Пожилой немец, заросший густой щетиной, густо посыпанной проседью, внимательно рассмотрел коробку, заглянул внутрь и решительно замотал головой:

– Nein! Nein! Das kann man nicht essen! Gefährlich! Gift! – пнул печенье ногой, пакки вывалились на землю. – Muss graben!¹

Ваня ничего не понял и возмущённо пробурчал: «Ещё перебирают! Не так им!» Наклонился, чтобы поднять коробку. Немец снова испуганно запротестовал:

– Nein, nein! Gift!

Переводчик появился внезапно – словно по волшебству. Его умение неожиданно возникать в нужном месте поражало Ваню, он даже замер, как будто его уличили в непристойности.

– Три шага назад! – скомандовал строго толмач, уже мягче пояснил: – Отравы это!

Потом, подозрительно зыркнув глазами на пожилого немца, категорично заключил: – Знает кошка, чьё мясо съела!

ГЛАВА 10

АПАТИТЫ

Ивану не терпелось рвануть на Соболёвку. Эта улица находилась на юго-западной стороне города, в направлении к Волковой деревне. Путь не близкий, но что молодому парню, без малого – рядовому береговой охраны, несколько километров? Порывшись в кладовке, отыскал старые сапоги, затолкал их в вещмешок, закинул на спину, сам себя похвалил: «Теперь-то ты учёный, на мякине не проведёшь!»

...Танцы в клубе постепенно угасали: парочки покидали яркий зал, желая уединённо побродить по вечерним улицам и переулкам да посчитать высвечивающие потемневший небосвод звёздочки, поискать среди них свои. Когда объявили последний танец, Анна Жаркая набросила на плечи кофточку, повязала косынку, собираясь уйти.

– Разрешите пригласить? – стройный паренёк с серо-синими глазами и озорным вихром светлых волос галантно склонил голову.

Аня растерянно оглянулась, хотела отказаться, ведь уже собралась и торопилась, чтобы не разбежались попутчики на Соболёвку, но беспокойные глаза её неожиданно встретились с ласковыми, решительными глазами Ивана. Она вдруг отчаянно взмахнула рукой, нежно, чуть касаясь, опустила её на его плечо, вторая рука доверчиво легла в его крепкую ладонь. Хитько обнял девушку за талию и уверенно закружил в вальсе.

«Почему не встречал её раньше?» – удивлялся неожиданному открытию. Анна понравилась ему сразу. Без малейших колебаний предложил провести до дома.

– Живу далеко! – кокетливо предупредила девушка.

– Надеюсь, не дальше Витебска? – нашёлся Ваня.

По Пролетарской шли медленно, девичьи стайки то и дело обгоняли, смеясь, с любопытством оглядывались. Аня смущённо опускала глаза.

– Работаешь, учишься? – кавалеру не терпелось узнать о новой знакомой как можно больше. – Какую школу окончила?

– Первую. Ольга Александровна Шалаева учительницей в начальных классах была. И муж её, Захаров Василий Ильич, тоже у нас преподавал. Знаешь?

– А как же! Он же в нашей четвёртой – директором. И дочку его Свету знаю, в одном классе мы. Как-то подставил ей подножку, так потом в учительскую вызывали.

– Работаю, – продолжила охотно делиться Анна, – пока, на лето, в ткацкий цех устроилась, там дорожки ткут и авоськи вяжут. Я – авоськи! – она звонко засмеялась и резко переменяла тему: – Мы не всегда в Городке. С Донбасса приехали, войну там.

– А я к сестре в Макеевку мотался! – обрадовался Иван совпадению. – Денег на билет на разгрузке заработал.

– Меня сейчас девчонки зовут в Днепропетровск. Там курсы, на секретарей-машинисток. Интересно же!

– И я люблю – по стране. Скоро от нашей организации будут в Заполярье командировать. Вот бы попасть!

¹ Нет, нет! Это нельзя кушать! Опасно! Яд! Надо закопать! (нем.)

Девушка смотрела на кавалера с восхищением и тихо радовалась, смутно предчувствуя: может, это он её суженый?

На перекрёстке дорог, у рекламного щита, Анна остановилась и на глазах изумлённого Хитько нырнула в лозовый куст. Через секунду достала спрятанные в траве резиновые сапожки.

– Извини, пожалуйста, – улынулась смущённо, – дальше грязь непролазная!

Грязь эту Иван и его новенькие фасонные туфли запомнили на всю жизнь. Потому в нынешний дождливый день заплечный мешок с сапогами и аккуратно завернутой в газету коробочкой с нежными духами для Аннушки веселил его душу.

– Ну, рассказывай же, рассказывай! – Анна не сводила сияющих глаз с долгожданного гостя!

– Чего рассказывать-то? – для большей важности слегка ломался Хитько. – Я ж в письмах обо всём.

– Письма – не то! Ты расскажи, как там, на Севере?

...На учёбу в Ленинград родители снарядили Ивана в единственный, но новенький костюм: фабричный, впервые купленный, а не сшитый умелыми руками матери на старой немецкой машинке «Зингер», доставшейся ей от мужниного брата Ивана, которого схоронили перед войной. От тифа скончался. Машинку же Ефросинья Ивановна уберегла от немцев и полицаев, закопав в огороде. На фабричный шевиотовый костюм – из тонкосуконной ткани, нарадоваться не могла, нежно поглаживала, не веря глазам. Любуясь Ванюшей, вмиг повзрослевшим, попросила, по-своему переименовав название ткани:

– Береги одёжу-то! Шевьётова! На дороге не валяется.

В зимнее Заполярье специалист по электричеству (уже пятиразрядник) отправился всё в том же костюмчике и в училищной шинельке, купленной по случаю у однокурсника Юры Лебедева за пятнадцать рублей стипендии. Юрка числился сиротой, о нём заботилось государство, потому одеждой был обеспечен с головы до пят. С двубортной шинелью из грубошёрстного сукна и с блестящими металлическими пуговицами он расстался без сожаления. Полагающийся же к ней ремень с белой пряжкой оставил себе.

Проводница, закутанная в пуховый платок поверх железнодорожного зимнего пальто, подкинула угля в и без того пышущую жаром печь, хлопнула тамбурной дверью, старательно прикрывая её как можно плотнее, и громко крикнула на весь вагон:

– Апатиты скоро! Хлопцы, кто поздоровее, помогите входную дверь открыть, приморозило не на шутку! Ломиком надо...

Дверь действительно была прочно скована грязно-голубым, закоптевшим льдом, и огромная сосулька свисала чуть ли не до земли.

– Больше тридцати мороза, – констатировал молодой бородач, принявший лом из рук женщины.

– Тридцать восемь, – уточнила она бесстрастным голосом. – Рукавицы возьми, не то прихватит пальцы – от металла не оторвёшь.

Иван подхватил лёгонький вещмешок и двинулся к тамбуру, решив там дожидаться остановки. Проводница окинула его суровым взглядом:

– Тебе от станции-то далеко ещё? Ботиночки, смотрю, не по сезону... А что-нибудь потеплее кепочки имеется?

– В посёлок Комсомольский. По работе на ГРЭС командирован, – последнее слово Иван произнёс с нажимом, считая, что это придаст ему достойной солидности.

– А на работе не предупредили, что тут от холода окочуриться можно? – усмехнулась проводница, притопывая валенками в калошах. – Иди, парень, в вагон, успеешь ещё намёрзнуться! – приказала жёстко и отвернулась, чтобы не заметил, как заблестели жалостью глаза. – Мальчишка совсем! Горько-горькое! – прошептала в платок, и капельки пара, осевшие на его ворсинках, мгновенно превратились в бисерные льдинки.

В звонком дневном сумраке декабря под ногами громко скрипел снег, в воздухе повисли миллиарды мельчайших искринок, светящихся в потоках света, льющегося из высоких окон и обледеневшего фонаря, который напомнил Ване хрупкого, беззащитного, но такого отважного оловянного солдата из детской потрёпанной книжки, которую наперебой выпрашивали в школьной библиотеке его одноклассники.

Посёлок Апатиты¹ располагался на другой стороне от вокзала, пробираться к нему надо было через железнодорожные пути или мост, до которого ещё шагать и шагать. Так что длинное одноэтажное деревянное вокзальное здание одиноко утопало в огромнейших сугробах, отчего казалось, что вокруг только и были что горы сверкающего снега. Но вдаль Иван заметил горы другие: заснеженные, таинственные Хибины, подпиравшие вершинами лёгкие серебристые облака.

Ноги мгновенно сковало холодом, ботинки задубели, уши и нос больно защипало морозом, а ресницы, брови и козырёк серой кепки густо покрылись пушистым инеем. Оглядевшись, бросился к вокзалу, из трубы которого тянулся к зимнему небу тёплый дымок. В кассе узнал, что до Комсомольского можно добраться автобусом, который идёт в Кировск, ехать всего пятнадцать километров. Отвечая, пожилая кассирша с удивлением рассматривала Ваню и, изложив информацию о маршруте, не удержалась от замечания:

– Мальчик, ты же уши отморозишь, пока до места доберёшься!

Хитько уже и сам понимал, что ни тоненький костюмчик, ни даже толстосуконная шинелька не надолго защитят его от заполярных холодов.

Хорошо ещё, что мать когда-то давно, перед училищем, шарфик ему в вещмешок сунула, мол, пригодится в сыром городе. Ваня ни разу им не воспользовался, ворот у него вечно нараспашку, но сейчас мамина забота оказалась как никогда к месту. Устроившись в автобусе с безнадёжно промороженными окнами и свисающими сосульками, он обмотал шарфом шею, утопив в него голову вместе с ушами, натянул кепку глубоко, насколько было возможно. Руки упрятал в рукава, а ноги поджал под себя, надеясь согреть их теплом собственного тела. Благо занял место на заднем сиденье.

От остановки до посёлка, чтобы не замёрзнуть, – бегом. Отыскал контору, постучался в кабинет начальника стройки. Тот, определив командировочного в бригаду монтажников-электриков, приказал:

– И вот ещё, получите на складе телогрейку, ватные штаны, ушанку, валенки... Ну, всё, что полагается, – и улыбнулся: – А то приехал, мóлодец, словно на юг!

Кировскую ГРЭС решено было строить на базе бывшей ТЭЦ-25 местного химического завода, замороженного в пятьдесят третьем году, после смерти Иосифа Сталина, когда замерло строительство не только завода, но и города. Через три года, когда на Кольском полуострове стала активно развиваться горнодобывающая и металлургическая промышленность, потребовалось обеспечить её электроэнергией. ГРЭС должна была решить эту задачу. Бригада, в которую попал Иван Хитько, работала на строительстве подстанции.

Аннушка слушала с широко открытыми глазами, моргнуть боялась, и душа замирала то от восторга, то от страха за любимого. В её воображении рисовались яркие картины холодного Севера и отважного Ванечки, который, зацепив карабин за верхний провод, шёл по нижнему, словно канатоходец, высоко-высоко над землёй, от одной высоковольтной мачты до другой, чтобы протянуть провода дальше, потому что без них в Заполярье никак.

Дома, у её родителей, хранилась всегда заправленная керосином лампа – на случай перебоев с электричеством, да и само электричество пришло к Жарким и другим городокчанам не так уж давно. А там, где полярная ночь, как же люди без света могут жить?

– Изоляторы развешивали, – мечтательно вспоминал Иван, – белые, гладкие, огромные, тяжёлые. Я таких больше нигде не видел. Ещё в траншее кабель укладывали. Там главное, чтобы за оголённый провод нигде не ухватиться, – объяснял увлечённо. – Вот вроде бы тридцать шесть вольт, это много или мало?

Аня лишь плечиками пожала. Но Хитько и не ждал ответа.

– Считается, что безопасно. Поэтому вдоль траншеи на коротких столбиках – фонари, ведь в темноте много не поработаешь. И тридцать шесть вольт. А у нас парнишка, только из армии, споткнулся, упал – полный сапог воды. Рукой за провод освещения схватился, как раз в том месте, где изоляция была нарушена. Убило беднягу.

– Ой! – Аннушкины глаза наполнились ужасом, она прильнула к Ивану, словно хотела прикрыть собой.

Он притих. Казалось, было слышно, как гулко стучит его сердце, как в унисон ему отвечает её. Пушистые Анины волосы щекотали губы. Иван закрыл глаза и медленно вдохнул, наслаждаясь их

¹ Посёлок Апатиты преобразован в город 7 июля 1966 года.

тонким ромашковым запахом. Горячей волной ударило в голову. Он крепко обнял девушку, губы сами потянулись к её пухлым, влажным губам.

Аня рванулась в сторону, бросила на Ивана гневный взгляд:

– Ты чего? Так прижал, что дышать нечем! – и опустила глаза.

Он смотрел растерянно, сам не понимая, как решился нарушить границу дозволенного, но внутри него всё радостно клокотало, и душа замирала от нежности и восторга.

ГЛАВА 11

КОМСОМОЛЬСКИЙ

Комсомольский разместился в бараках для ссыльных, которых перевели в новый лагерь. Разношерстная публика – воры, бомжи, проститутки и всякий иной неблагонадёжный народ – обитала тут и трудилась на благо родины в связи с VI Всемирным фестивалем молодёжи и студентов, открывшимся 28 июля 1957 года в Москве. Рекорд по числу представленных стран – сто тридцать одна! – был побит. Тридцать четыре тысячи человек приехали в столицу Советского Союза под лозунгом «За мир и дружбу». В течение двух недель советская молодёжь беспрепятственно общалась с иностранцами в атмосфере открытости и свободы. Власти Москвы сделали всё возможное, чтобы обеспечить безопасность фестиваля. Вот так и появился на Кольском полуострове лагерь для тех, кто мог нарушить общий порядок и безопасность.

Теперь освободившиеся бараки заселили романтики-комсомольцы, откликнувшиеся на призыв в короткие сроки возвести в Заполярье так необходимую здесь Кировскую ГРЭС, да искатели приключений и длинного рубля. Название посёлок получил «Комсомольский». Подстанция, где работал Иван, была огорожена колючей проволокой и охранялась часовыми. Не только потому, что объект представлял собой огромную ценность, но и по причине того, что к работе дополнительно привлекались «фестивальные» заключённые, которых специально привозили на машинах.

– Ваня, передай вон той красавице, – черноглазый рабочий в лагерной спецовке кивнул в сторону бригады девчат-малыаров, направлявшихся в столовую. – Сам я, понимаешь, не могу, мне за колючку нет хода, а уж больно девка нравится. Письмо ей написал, – он заговорщицки подмигнул, и в его глазах заиграли чёртики.

Письма лагерники писали вдохновенно. То ли переписывали монологи из художественных произведений, то ли особенности ограниченной жизни пробуждали в них незаурядные способности эпистолярного жанра, но девушки перечитывали их сочинения, как любовные романы, и краснели при встречах взглядами с авторами за колючей проволокой.

Хитько спрятал письмо за пазуху, и в это время же донеслась команда бригадира:

– Рассвело – пора на обед!

Небольшое прояснение к полудню среди полярной ночи работало лучше всяких часов. И, удивительное дело, хватало его ровно для того, чтобы успеть отобедать. Как только Ваня допивал компот, за окном начинало темнеть.

– Ну, пора и на работу! – вздыхал бригадир.

Вечером в бараке начинались жаркие карточные баталии. Играли на деньги. А зарабатывали ребята хорошо: вместе с северными надбавками – по пятьсот, а то и восемьсот рублей в месяц. Дети дома не плакали, есть не просили, по той причине, что народ в бригаде был холостяцкий. Деньжат не жалели.

– На кону пять тысяч! – донеслось до Ивана, и у него даже мурашки по телу побежали. «Нет уж, я в такие игры не играю, – подумал, зарываясь в постель. – Завтра матери перевод отправлю, вот обрадуется!»

– Эй, малой! – растормошил его Серёга Смелов. – У тебя выпить найдётся? Вся посуда сухая, а игра в самом разгаре. Представляешь, Тимоха из пятого барака уже часы и пиджак проиграл, теперь брюки поставил. Всё надеется на удачу, бестия!

– Я ж не пью, – пробурчал спросонья Хитько, но Смелов уже распахнул дверцу тумбочки, где красовался недавно купленный флакон пахучего «Тройного» одеколona.

– О! – обрадовался он. – А говоришь, нет ничего!

Иван лишь безнадежно вздохнул. Теперь заснуть никак не удавалось. За столом, где расположились картёжники, то нависала тишина, то гремел восторженный вой. Когда раздался умоляющий голос: «Братцы, как же я по тридцатиградусному до барака – в трусах и босиком?» Хитько приподнял голову. Под снисходительно-смешливые увещания: «Ничего, добежишь, что с тобой станется?» – к выходу шлёпал босыми ногами почти голый Тимоха.

Хлопнула заиндевелая дверь, морозным духом в барак заглянула январская ночь. Хитько съёжился, натянул одеяло на голову и, вспоминая прочитанного Достоевского с мучительными страданиями его азартного героя Алексея Павловича, ещё долго глубокомысленно размышлял о смысле жизни, пока образ Аннушки не заполнил собой всё пространство, убаюкивая сладостным блаженством.

Следующим вечером желающих бежать голышом по морозу не нашлось, да и секретарь комсомольской организации в барак для проверки заглянул, тут уж не до игры. И ребята решили наведаться в гости в девичье общежитие.

– Малой, айда с нами! Недотрогу из себя не корчи, – подначивал Ивана Смелов.

Ваня и не корчил. Настроение было отменным: после работы забежал на почту, отправил в Городок перевод и письмо Аннушке, которой были заняты все его мысли. А прогуляться за компанию – почему бы и нет? Делать всё равно нечего, и время незаметно скоротается. Накинул пиджак, глянул в осколок зеркала на стене, причесался, хотя под ушанкой волосы всё равно примнуты. Теперь бы одеколончиком... Оглянулся на Серёгу, незаметно достал из кармана фуфайки новенький флакон «Шипра», капнул на ладонь и, задрав подбородок кверху, освежил шею, торопливо похлопал себя по щекам и быстро спрятал одеколон в тумбочку.

Смелов тут же повёл носом, вынюхивая источник приятного аромата:

– Слышь, малой, вчера не так пахло. Новый?

– Отстань! На тебя не напасёшься.

– Ну, капли на опохмелочку чуток. Жалко, что ли? – раззадоривался Серёга, а в глазах так и поблёскивали лукавые искорки.

Пашка-бригадир оглянулся у порога, окликнул:

– Эй, одеколонщики, поторопитесь, дверь закрываю!

Хитько обрадованно рванулся к выходу. Смелов расхохотался:

– Да пошутил я! А ты поверил, малой? Поверил? Да если приспичит, я и спрашивать не буду, так возьму! – Он в три прыжка догнал Ивана и примирительно похлопал по плечу.

– Ух ты, ребята, красотища какая! – бригадир задрал белобрысую голову к небу.

Словно тонкая живая лента, сворачиваясь во множественные спиральные ряды, переливающиеся, сверкающие изумрудным неоновым светом, перетекающим в розово-жёлтый, сине-малиново-голубой и снова изумрудно-салатовый, сверкало, текло, разливалось по всему горизонту и уже полыхало над головой северное сияние.

– Чудо-чудное! – застыл потрясённый Иван. И хотя он уже не раз наблюдал это удивительное явление, такого фантастического зрелища ещё не было.

– Помогите-е-е! – внезапный крик донёсся со стороны женского барака, из которого, словно из улья пчёлы от раскопчегаренного дымара, врассыпную бежали девчата, едва набросив на себя пальто и телогрейки.

Ребята бросились к ним навстречу:

– Что случилось?

– Там, там... – перепуганная девушка из бригады маляров запинаясь от волнения. – Там пьяный... С ножом... Ээк... Он к Тоньке... Милицию надо!

«К Тоньке? – Иван мгновенно представил хрупкую, маленькую, с толстой русой косой до пояса Антонину, которой передавал письмо от черноглазого заключённого. – Васька, что ли? Этот чёрт здоровый?» – успел подумать, врываясь вместе с ребятами в барак.

Тоня отчаянно сопротивлялась, хотя черноглазый уже успел разорвать на ней блузку и, вцепившись ручищей в тоненькую шейку, пьяно шипел в лицо:

– Ну, чего ты выделываешься? На письмо ведь ответила, значит, есть симпатия... Ну, чего ты? Тебе понравится... Ещё попросишь!

– Отпусти её! – Серёга Смелов первый бросился к насильнику.

Васька поднял голову, вытаращился на окружающих его ребят невидящими глазами, налитыми кровью и странно помутневшими, так что и цвета было не разобрать. Хитько никогда не видел таких глаз – из них глядела страшная, уродливая, животная страсть.

– Не подходи! Убью! – прорычал озверевший Васька, и в его руке блеснуло лезвие.

Тяжело раненных Серёгу Смелова, Тимоху из пятого барака и Пашку-бригадира, истекающего кровью, увезли в апатитскую больницу, оттуда перевели в Мурманск.

Ваську отправили в Кировск. На грузовой машине, как был, в одних брюках, без рубашки. Прихватили наручниками к перилам борта. Собравшиеся со всего посёлка строители угрюмо наблюдали.

– Замёрзнет же! Не довезёте, – вдруг сжалился кто-то.

– Пёс с ним! – огрызнулся охранник. – Собаке – собачья смерть!

– Такие не дышат, – раздался чей-то мрачный голос.

Охранник выпрямился, сдёрнул с плеча автомат и вполголоса пригрозил арестованному:

– Сами прикончим, если что...

Теперь уже все знали, что Васька, переодевшись в сменную спецовку электриков, вышел за пределы подстанции в обеденный перерыв, накупил водки и приволок её заключённым собратьям. Напившись, он тем же путём выскользнул восвояси – на поиски приключений в женском бараке.

А его приятели успели до прибытия спецмашины устроить бунт. Камни летели в вооружённых часовых на вышках, в охрипшую охранную овчарку, рвущуюся с цепи, чтобы вцепиться в обидчиков. Пока не появилось подкрепление, часовые отстреливались в воздух, на поражение запрещалось, и об этом все знали, потому и бесчинствовали нагло.

ГЛАВА 12

ХИБИНЫ

Аннушка заметно погрузнела и, подняв на Ивана опечаленные глаза, призналась:

– Я так надеялась, что этот черноглазый в лагерь угодил по ошибке. Всяко ведь бывает. А он ребят хороших... Живы?

– Были живы, но в посёлок при мне ни один не вернулся. А что до Васьки, так пока не напился – вроде и человек! С работой отлично справлялся, даже начальство хвалило. Это бутылка-то и засадила его за колючку. Там таких много.

Анна вмиг оживилась:

– Не знаю, правда ли, нет, подружка мне, а ей рассказывал дядька из Ленинграда, который в гости приезжал, – она понизила голос, зачем-то оглянулась: – Поклянись, что никому!

Хитько пообещал.

– Нет, ты поклянись! – настаивала девушка.

– Честное комсомольское! – сдался Ваня.

– При царе-то, при Николае Втором, пить законом было запрещено! С четырнадцатого года. Так вот, тюрьмы через шесть месяцев пустеть стали, а те, что строились, в госпитали передельывали – для раненых на фронте. Понимаешь, перестали люди пить, и преступления исчезли!

– Совсем не могли, – засомневался Хитько.

– Кто говорит, что совсем? Рецидивистов и больных только могила исправит. Но на девяносто восемь процентов сократилась преступность! Дядька этот то ли в жандармерии работал, то ли в суде, то ли в тюрьме. Он же старый. Но точно знает, важничает: «Засвидетельствовать могу!»

– А что, – согласился Иван, – не продавали бы водку в Комсомольском, ничего бы и не случилось! Только не пойму, зачем «честное комсомольское» понадобилось? – он ласково улыбнулся.

Анна пыхнула краской:

– При царе же! – Она выдержала многозначительную паузу: – Нам в книжках и на уроках о чём? Что ничего хорошего не могло быть при царизме! – И неожиданно призналась: – Я всё время считала, что при императоре такие беспросветные дикость и темнота были, что все босые и голые и чуть ли не в землянках... А ведь это не так. Клевета получилась на царя и моя необразованность. Это я – темнота! Стыдно!

– Ты не темнота, и ты не виновата! – отрезал Иван. – Это жизнь...

Благодарно взглянув на него, Аннушка спешно переменяла тему, возвращаясь в Ванино Заполярье:

– Черноглазый-то доехал до Кировска? Не замёрз?

Хитько неопределённо пожал плечами:

– Лучше я тебе про Мустафу расскажу! Он тоже год отсидел. Заступился за товарища. По глупости вцепился в милиционера: мол, отпусти, не виноват. А ему и вменили – нападение на стража порядка при исполнении.

Татарин Мустафа, почти ровесник Ивана, – его напарник в бригаде. Вместе тянули провода и кабель, таскали пятидесятикилограммовые баллоны с газом и закрепляли гирлянды изоляторов. Он тоже, как и Хитько, командированный из Ленинграда «Севтеплоэлектромонтажом», прикрепленный на жительство в тот же барак. Мустафу не волновали ни карты, ни спиртное – так его воспитали религиозные родители. Зато интерес к познанию мира зашкаливал. Когда он засматривался на верхушки Хибин, его тёмные глаза огненно сверкали:

– Одному страшно, а вдвоём мы с тобой поднимемся! – напористо уговаривал Ивана. – Ну, что такое восемьсот или тысяча метров молодым ребятам? По дороге – пятнадцать минут быстрым шагом. Ну, а в гору часа за три точно дойдём! Назад ещё быстрее – скатимся! – он задорно рассмеялся.

Ивану предложение понравилось сразу: горы притягивали к себе, манили снежными вершинами, по которым в полдень прогуливалось солнце, прежде чем спрятаться за горизонтом. Тепло одевшись и прихватив в вещмешки, кроме хлеба, заварки и сахара, ещё дрова и спички, они отправились догонять мечту.

До подножия гор долетели на лыжах легко, ещё немного проехали по редкому заснеженному перелеску, мимо одиночных ёлок и тонких берёз. Дальше, по низкорослому кустарнику, лыжи тащили в руках. Крепкий наст хорошо удерживал самостоятельных альпинистов, у которых даже не было специального снаряжения, ноги проваливались не часто и не глубоко.

– Ой! – вскрикнул Мустафа, оступившись, проломив обледенелую корку наста, провалившись ногой в крупный зернистый снег.

Испуганная появлением человека, из-под снежного козырька тотчас выпорхнула стайка серо-коричневых птиц, достаточно крупных по сравнению с воробьями или пёночками. Они рассыпались в разные стороны и тут же стали растворяться в снегу, словно их и не было.

– Куропатки! – догадался Иван, что было несложно: очень похожи птички на миниатюрных курочек.

– Напугали, – признался Мустафа и задрал голову: – Смотри, скоро вершина!

Зацепившись за скалу, над альпинистами повисло февральское солнце. Иван прищурился, сложил лодочкой ладонь, прикрывая заслезившиеся глаза:

– Ого! Мы идём прямо к солнцу! – счастливо закричал он, размахивая руками. – Ого-го-о! Горы! Солнце! Мы идём к вам! – и запел срывающимся голосом: «Широка страна моя родная! Много в ней полей, лесов и рек!»

– Шалапин, уже полдень! – остановил его Мустафа. – Наверху разведём костёр, погреемся, перекусим и – назад.

Огонь в сухих дровах разгорелся быстро, и вскоре в большой металлической кружке забулькал растаявший снег. Иван заварил чай, разломил хлеб.

– Думал, что здесь намело, будем проваливаться, оказалось, чем выше, тем снега меньше. – Мустафа победно сиял.

Ещё никогда в жизни не поднимался так высоко, поэтому чувствовал себя ни мало ни много – гордым орлом, по-хозяйски оглядывающим землю. Правда, рассмотреть ничего не удавалось: всё сливалось в одно огромное белое полотно, а глаза начинало щипать.

Ярко светило белое солнце, весело потрескивал в поленьях огонь. Глядя на его отчаянную пляску, Иван вспомнил родной дом, отца, поднимавшегося рано утром, чтобы до работы протопить печь.

– Однажды будит меня батька: «Вставай, сынок, помочь надо!» Такой снег выпал, что из хаты не выйти: дверь-то наружу открывалась. Мы её вдвоём толкали, толкали, чтобы хоть щель получить, через которую можно было бы снег отбрасывать. Чуть откопались! Даже жутко было, словно кто живыми нас в хате замуровал! В окно глянешь – просвета нет, темень в доме такая, будто ночь вечная. Никак не выйти. Хорошо ещё, что снег рыхлый: дверью его спрессовали и давай расчищать тоннели до дровяника, до хлеба, до колодца. Сначала ведром и тазиком копали: шухля-то в сарайке осталась. –

Он рассмеялся. – Помню, по городу тогда только трактор мог пройти – ташил будку с хлебом. Зато в школу не надо! Отменили уроки. Чем заняться? Я лыжи достал. Самоделки. Сам доски строгал, грел, выгибал... Катался – с крыши нашего дома! Представляешь – снежище?

Мустафа, прихлёбывая чай, удивлённо покачивал головой, иногда даже цокал языком:

– Это в ваших краях? Когда такое было?

– В пятьдесят третьем. Батя говорил, такие снега ещё и после войны, в сорок седьмом, были. Жалел, что дверь не переделал: надо бы вовнутрь открывать, – тогда никакая метель была бы не страшна.

Поленья сгорели быстро, а чёрные угли ещё дымились, тлели, иногда на мгновение вспыхивая голубоватым пламенем. Мустафа поёжился:

– Ветер поднимается, похолодало. Давай уже вниз!

Попробовали спускаться на лыжах, но глаза... Их несносно щипало. Катились слёзы. Ребята, словно слепые, пробирались наугад, рискуя свалиться с отвесной скалы в пропасть. Первым на огромный валун, утонувший в сугробе, а потому совершенно незаметный, налетел Иван. Хрясь! Лыжина сломана! Нога подвернулась, щека оцарапана острым краем обломка ледяного наста, на снег просочилась кровь.

– Ты что-нибудь видишь? – окликнул друга, увязшего неподалёку.

– Ничего дальше своего носа! – в отчаянии отозвался Мустафа, опираясь на поставленные торчком лыжи. – Всё сливается в одну простыню. Где край обрыва? Какая глубина? Не разобрать, хоть тресни!

– Влипли мы с тобой, брат, так и погибнуть можно, – испуганно прохрипел Хитько, пытаясь разобраться, куда двинуться дальше. – Пропадём, ведь и не найдут. Ты кому-нибудь рассказал о наших планах?

– Нет, – помрачнел Мустафа, ощупывая край только что сломанной лыжины.

– И я – никому. Будем как-нибудь выбираться. А там – если повезёт, значит, повезёт! – Ваня набрал горсть снега, приложил к глазам. Боль немного притихла, но ощущение песка не проходило, покрасневшие веки заметно припухли.

Сощурившись так, что лишь через ресницы слегка проникал свет, ребята покатались вниз, пытаясь притормаживать палками. Падали, поднимались на ноги и снова сползали на снег. Оседлав лыжные палки, спускались с горы, как в детстве, когда играли в «конька», и это тоже помогало вовремя остановиться, чтобы не свалиться с отвесной скалы. Они уже не обращали внимания на треск рвущейся одежды, цеплявшейся за острые камни, на разодранные в кровь руки, исцарапанные лоб, щёки, нос. И только когда стали наткаться на торчащие из-под снега кусты, вздохнули с облегчением. Пронесло! Сумерки уже сменились ночной темнотой, и больные глаза горе-альпинистов рассмотрели огни посёлка.

Обернувшись на шум у двери, завсегдатаи-картёжники молча уставились на Мустафу с Иваном. Без шапок. Из телогреек и штанов торчат клоки ваты. Сами измученные, с кровоподтёками, синяками, ссадинами на лице и руках, с опухшими, красными глазами. Словно привидения, заявились и застыли у порога.

Через мгновение, напрочь забыв об игре, бригада сорвалась с места. Кто-то схватился за топор, кто-то за нож, кто-то за кочергу.

– Наших бьют! – зверея, заорали мужики во всю мочь и бросились на улицу.

Растерянные альпинисты безуспешно пытались их остановить:

– Мы сами! Ребята, это мы сами!

...Аня подскочила со скамьи, обхватила голову Ивана мягкими ладошками, внимательно вглядываясь в его ясные, смеющиеся глаза:

– Зрение не ухудшилось? Сейчас не болят?

– Нет, – он покачал головой и ласково погладил её руки. – Вот так и держи, не отпускай!

Девушка тотчас отпрыгнула назад, обиженно поджала губки:

– Чего возомнил?

– Нравишься ты мне. Очень-очень! – вдруг выпалил Иван и совсем осмелел. – Будешь ждать из армии?

Аня вспыхнула, молча потупилась, не зная, как поступить. Если ответить, что и ей очень нравится Ваня и, конечно, она непременно будет его ждать, не унизит ли её такое признание в глазах парня? А если рассмеяться и соврать, будто он для неё просто интересный собеседник и не больше того, не потеряет ли его навсегда?

Молчание затянулось. Хитько смотрел, как тянут к небу свои золотые головки хозяева палисадников – многолетние георгины. Их высоченные стебли выдержали напор дождя и уже успели обсохнуть, а яркие цветы, словно жёлтые шары, парили в вышине, и казалось, дай им волю, они и улетят. Мысленно ругая себя за наглость, Иван решил смягчить ситуацию – вновь вернуться к Хибинам:

– Мы же с Мустафой ничего не знали про снежную болезнь, – как ни в чём не бывало, принялся объяснять причину их внезапной горной слепоты. – Оказывается, от яркого солнца и сверкающего снега можно запросто получить ожог глаз!

Искоса наблюдая за притихшей Аней, которая робко снова присела рядом, Иван бодро завершил:

– Но покой и тёмная повязка быстро вернули нам стопроцентное зрение! А летом мы с Мустафой снова ходили в горы и обнаружили там, высоко над посёлком, озеро! И вода в нём была холодная, чистая и такая синяя-синяя, как твои глаза. – Он осторожно коснулся Аниного плеча, и она прошептала:

– Я буду тебя ждать!

ГЛАВА 13

НАКАЗ

По расписанию поезд на Мурманск приходил в пять с хвостиком. Чтобы проводить сыночка, старший Хитько отпросился с работы пораньше: «Уйдёт служить, когда ещё свидимся? Может, и не доживу...»

Дни сыновьей побывки пролетели стремительно. Павел Ефремович с тоской смотрел на Ивана, складывающего дорожные пожитки в вещмешок. И поговорить-то толком не успели. Выпорхнул, как тот воронёнок из гнезда. И всё! Назад ходу нет. А ведь сколько надежд на него, на младшенького, было.

Чтобы увеличить площадь поля под пшеницу, Павел Хитько, когда обжился в доме на Сенной, решил закопать за огородом траншею, после которой начинался никому не нужный пустырь.

– Давай, Ванюша, помогай папке, вместе дело спорчее! – звал с собой наследника. – На свежей земле урожай будет, значит, без хлеба не останемся.

Пшеница тогда действительно поднялась на зависть. Только булок из неё поесть не пришлось...

Павел Ефремович, вспомнив ту досадную историю, достал с печки самосад (табак свой на грядке растил), скрутил сигарку.

– Помнишь, как наше с тобой поле – трактором? – окликнул Ивана.

– Донёс тогда кто-то? – отозвался сын.

– Так была в горсовете женщина, фамилию не припомню... «Как посмели! Государственную землю своевольно!» Пришёл трактор и – по живому! Колосья в грязь! Помесил безжалостно. А зачем? Ну, конфискуй ты у меня, тому же государству польза, что бурьян я перепахал и пшеницу вырастил. Какой же прок от того, что труд и зерно – в землю? И снова там всё травой заросло. Пустырь! Глаза бы мои не глядели... Как можно, чтобы земля – без догляду?

Ефросинья Ивановна поставила на стол чугунок с дымящейся картошкой, надеясь ещё успеть покормить сыночка перед дорогой.

– Забудь уже, Паша, сколько можно? Ваня уезжает, а ты про что? И надымил полную хату, дышать нечем! Выйди во двор немедля! – расхрабрилась она, чувствуя сыновью защиту.

Хитько послушно вышел, устроился на завалинке...

Ваня везде попевал за отцом. Вместе ходили на заброшенные хутора. Там кусты ягодные: крыжовник, смородина, дички яблоневые, грушевые. Выкапывали, к себе тащили. Мальчонка босиком, впереди. И горланит на весь лес: – Вернулся я на родину. / Шумят берёзки встречные. / Я много лет

без отпуска служил в чужом краю. / И вот иду, как в юности, я улицей Заречною / И нашей тихой улицы совсем не узнаю...

Павел Ефремович поспешает следом, с мешком саженцев за спиной, и тоже подхватывает, хотя от быстрой ходьбы не хватает дыхания, чтобы затянуть во весь голос: – Здесь вырос сад над берегом с тенистыми дорожками, / Краины застроились, завода – не узнать. / В своей домашней кофточке, в косыночке горошками, / Седая, долгожданная, меня встречает мать¹...

И вдруг Ваня вскрикнул и застыл. Старший Хитько едва успел заметить на тропинке промелькнувшую чёрной молнией змею.

– Сынок! – сбросив мешок, в испуге метнулся к ребёнку.

Мальчик, побелевший, как накрахмаленная простыня, замороженно смотрел туда, где в зарослях черничника исчезла гадюка, и неестественно улыбался:

– Я на хвост ей. Не заметил. А она поднялась и как ударит меня по ноге!

– Где укусила? – отец в изумлении опустил на колени: следов змеиных зубов не было! Смахнул пот, перекрестившись, прошептал: – Что за чудо? Никак сама Пресвятая Богородица на помощь пришла! Видно, знак это, что пора тебе обувь заказывать. Пойдём в выходной к сапожнику.

– Далеко? – У Ванюши снова порозовели щёчки. Не было счастья, да несчастье помогло.

– На улицу Карла Маркса, там живёт хороший мастер.

По этой улице пробирался Хитько в Большой Болецк в родне, когда колонну мобилизованных, направлявшихся на фронт, в Езерище расстреляли немцы. Кто в живых остался, разбрелись по лесам да деревням. Он же решил: к своим, к семье. Ближе всего было к сестре Ане. Сначала лесом, напрямки шёл, потом пришлось завернуть на окраину Городка. Да не судьба... Может, сам попался на глаза полицаям, может, выдал кто, только оказался в местной тюрьме, что у Чайной горы.

Когда стало известно, что Хитьковская родня из раскулаченных, получил предложение: надеть ненавистную форму и служить фашистам. Отказался наотрез, хотя угрожали смертью.

– Ладно. Твоя воля, – неожиданно согласился полицай. – Но всё равно на благо великой немецкой страны повкалываешь! А там, глядишь, и добро дашь, сам попросишься. Нам молодые и смелые тоже нужны.

Гоняли на различные работы: рубил лес, мостил дороги, в бондарне готовил доски для бочек, в которых немцы награбленное добро эшелонами отправляли в Германию. Охраняли заключённых надёжно, и всё не выходило ни сбежать, ни весточку послать. Да и опасался, как бы не навредить своим.

Весточка долетела сама. Сначала Ане подруга сообщила, что её брата Павла у бондарни видели, потом Аня – Фросе. И та засобиралась в дорогу, чтобы с мужем непременно повидаться, а может, и выкупить его из тюрьмы.

– Тоня, возьми подушку, – распределяла ношу между детьми, – а ты, Ванечка, курицу. Яичко снесёт, вот и будет нам ужин.

– Если вырвется и убежит? – насупилась сын.

– А мы её верёвочкой – за ногу! – улыбнулась Фрося, закидывая себе на спину хатуль. – Ничего, десять километров всего, как-нибудь дотянем.

– Жить где будем? – по-взрослому задумалась Тоня.

– Мир не без добрых людей, кто-нибудь на постой пустит, – успокоила мать.

Идти по снежной дороге тяжело, ноги разъезжаются, скользят или проваливаются. За нос и щёки щиплет мороз, а из-под тужурки валит пар, и пот скатывается по спине, по позвоночной ложбинке, словно по ручейковому руслу. Курица невероятно погрузнела, руки от неё у Ванюшки занемели. Да ещё вырывается, царапается когтями. Не стерпел, отпустил на снег, потянул за верёвку, как щенка. Что тут началось! Несушка закричала, затрепыхала крыльями, упираясь короткими ногами в снег.

– Да иди же ты! – взмолился он, плача и глядя, как быстро удаляются мама с сестрой.

Курица сделала несколько шагов и остановилась. Ваня снова подхватил её на руки, собрав последние силёнки, бросился догонять.

Перед Городком, на контрольном посту, остановили немцы:

– Woher? Wohin?²

¹ «Вернулся я на родину». Слова М. Матусовского, музыка М. Фрадкина.

² Откуда? Куда? (нем.)

Фрося показала документы:

– Хата наша сгорела, жить негде. Идём в город, к родне.

– Кура? Яйки? – одобрительно кивнул немец, указывая на курицу.

«Вот и всё!» – подумал испуганно Ваня и крепче прижал к себе несущую.

– Гут! Гут! – улыбнулся фриц и, заметив верёвочку на куриной лапе, захохотал в голос, похлопал

Ванюшу по плечу и махнул рукой:

– Sie können gehen!¹

С Вокзальной свернули на Карла Маркса. У первых же прохожих Фрося расспросила, где работают заключённые. Постучалась в домик напротив мастерских:

– Добрый день в хату!

Открыла женщина, заматанная в тёплый платок, в суконнике, на ногах чуни. Следом выглянула девочка с косичками, Тонина одногодка, и с любопытством уставилась на чужаков:

– Бабушка, это к нам?

Фрося опередила:

– Я мужа ищу! Люди добрые сказали, что на бондарне видели, под охраной немецкой. Пустите на постой, смилуйтесь!

Павел Ефремович закашлялся, покрутил в руках погасшую сигарку, сбросил пепел и сунул её до времени за ухо. Нахлынувшие воспоминания не отпускали, глаза защищало...

– Павел! Паша-а-а! – родной, такой любимый голос звал его с противоположной стороны дороги, от домов напротив бондарни.

«Фрося? – оглушила, обожгла догадка. – Не может быть! Видать, померещилось с тоски и усталости», – решил он, не узнавая среди проходящих женщин ту, о которой истосковался в плену.

– Папа! Папочка-а-а! – метнулся через дорогу мальчонка в короткой, не по росту, тужурке.

– Ванюшка! – обомлел Павел.

...Плечо ныло, оно всегда мучило его на перемену погоды. «Видать, поднявшийся ветер снова принесёт нам холодный дождь. Не успели лужи от предыдущего высохнуть. Одно слово – осень!» – Павел Ефремович поднялся с завалинки, прошёлся по двору, потирая болезненное место.

На передовую попал после освобождения Городка, когда снова был мобилизован в Красную армию. Выполняя приказ, к окопам тащил на спине большой плоский термос с горячим обедом. Пули свистели рядом, земляные брызги взлетали веером то справа, то слева. И как ни старался, уберечь термос не получилось, ароматная суповая жижа засочилась на землю. Павел остановился, раздумывая, чем бы заткнуть отверстие. В эту минуту и обожгло плечо. Осколком разорвало так, что боялся без руки остаться. Бог миловал.

Потом госпиталь. И снова на фронт. «За взятие Кёнигсберга», медаль «За боевые заслуги». Потом ещё... «Успел я Родине послужить. Теперь вот сынок», – Павел Ефремович смиренно вздохнул.

Поезд останавливался в Городке всего на одну минуту. Пассажиры волновались: надо успеть вещи погрузить, самим не отстать. Старший Хитько рассчитал, где следует ждать нужный вагон, и уже переминался с ноги на ногу, поджидая Фросю и сына. Последние минуты наполнились смутной тревогой, мысли путались, нужные слова терялись.

– Ты вот что, Ванюшка, – попросил Павел Ефремович, – старайся там, чтоб нам с мамкой не стыдно за тебя было. Мы с ней завсегда в передовиках! Ни от какой работы не бегали.

– Где уж мне за вами угнаться! – улыбнулся Иван, пряча от родителей грустные глаза.

– Постарайся, сынок, – не поддаваясь Ваниному наигранно-весёлому настроению, серьёзно поддержала мужа Ефросинья Ивановна. – Служи так, чтобы войны больше не было! – И старательно разгладила ладонью лацкан пиджака всё того же «шиввьёнового» костюмчика, в который накануне тайно вшила крестик.

¹ Можете идти! (нем.)

РЕНТГЕН

Заехать на городокское кладбище, чтобы убрать могилку тёти Даши Михайловой, Хитько задумал ещё в Витебске. Когда в Троицкую субботу наводили порядок на родительских, к ней не заглянули: сгустившиеся дождевые тучи напугали. И не зря. К вечеру закружилась густой туман, а потом загремело. Громы, схлёстываясь, накатывали друг на друга непрерывно, слепящие молнии сверкали непрестанно. Земля, казалось, вздрагивала, даже тоненько зазвенели оконные стёкла. Такой грозы Иван Павлович и припомнить не мог, грохотало так разве во время войны, когда наступали наши, освобождая Городок и Витебск. В небе гудели немецкие самолёты, изрыгая свой страшный бомбовый груз.

Жители выскакивали из домов, прятались в траншеях, накрывая головы подушками и одеялами, надеясь, что они защитят от осколков. Ванюшка дожидался, пока взрослые замаскируются, и незаметно выныривал из ямы под черёмуховым кустом. Задрав головёнку к небу, следил за падающими снарядами и что было силы бросался им навстречу, надеясь поймать. «Делов-то! – ликовал он. – Взрослые прячутся, а не додумались, что можно бомбы ловить. И всё! И не взорвутся!»

Самолёт летел совсем низко, Ваня разглядел вражеского лётчика, который тоже заметил мальчонку, даже улыбнулся, помахал рукой.

– Вот гад! – сжав кулачки, в гневе присвистнул малыш.

Сделав круг над кладбищенской горой, самолёт вдруг взметнулся высоко в небо, а вниз, на хату у дороги, полетел огромный тупоносый снаряд. Ванюшка рванулся к нему, но тот уже коснулся крыши... Грохот, столб пыли и огня, брызги земли, щепки, искорёженные окна, двери, разлетающиеся далеко в стороны.

Когда дым немного рассеялся, Ваня разглядел окровавленные куски человеческих тел.

– Мамааааа! – заорал он, от ужаса не слыша своего голоса. – Мама-а-а-а! Там... Там... Там... Люди-и-и-и!

Звук вновь приближающегося самолёта прижал Ванюшу к земле, он дополз до черёмухи, нырнул в яму и зарыдал.

...Громовые раскаты не умолкали, хотя стали реже и отдалённее. Небо, словно освободившись от сковывающих его молниевых стяжек, разразилось небывалым ливнем. Иван Павлович ему не удивился: давно приметил, что на Троицу обязательно дождит. И радовался, что поторопился уехать с погоста, тем более что машину оставил далеко, до неё ещё дотопать надо было. Такого скопления автомобилей на дороге к кладбищу Хитько никогда не видел. Поминный день словно собрал всех жителей Городка. Живые и мёртвые встретились, славя Троицу. Батюшка Александр из Андреевской церкви переходил от могилы к могиле, святил святой водой, служил литию по усопшим. Будто ладаном в церкви, был пропитан воздух отцветающей сиренью и нежным ароматом чубушника.

«Месяц пробежал незаметно. Сегодня уже четвёртое июля. И пахнет мёдом: липы нынче цветут щедро, словно Божьи ангелы кадят в земном храме!» – подумал Хитько, подходя к погосту.

За последние годы, особенно за два «ковидных», кладбище разрослось и в ширь и в длину, ликвидировав частные картофельные огороды, потеснив сосновый лес, отодвинув будку смотрителя и даже вторгнувшись в болотце, которое пришлось засыпать тоннами песка. Город словно постепенно переселялся в это печальное место, где высоченные сосны подпирают верхушками небо, где и в дождь и в ведро щебечут небесные птицы, где вросшие в землю кресты свидетельствуют о православных душах, вымаливая им прощение.

Анна Нифантьевна прижимала к груди охапку цветов, Иван Павлович тащил бутылку с водой, грабли и метёлку. Супруги свернули на центральную дорожку. Шли медленно, приглядываясь к табличкам и портретам на памятниках и крестах.

– Ну вот, тётя Даша, снова встретились с тобой! – остановился Иван Павлович у могилки Юркиной матери. – Ты, небось, не нас, а сыночка ждёшь? Да что-то долго не едет полковник Михайлов. Застрял где-то на железной дороге со своими ракетными поездами. А я рыболовную снасть, как он просил, давно приготовил. И с тех пор, как весна, так на калитку поглядываю...

Юра Михайлов обитал в Горьком. После смерти матушки забрал туда ослабевшего отца, которого Хитько однажды случайно обнаружил беззащитно лежащим в приусадебном саду между кустов крыжовника. Затащил в дом, вызвал «скорую» и сообщил другу в Горький.

Лет пять назад Юра приезжал в отпуск, две недели гостил у Ивана Павловича на даче.

– Ты, Ваня, только тяжёлой работой меня не загружай: прободная язва желудка, побрал бы её леший! – он кисло улыбнулся.

– Какая работа, друг? – обиженно возмущился Иван Павлович. – Мы тебе – баньку! Она у нас по чёрному топится. Где ещё найдёшь такую? Внутри черным-черно, полки-стены прокопчённые – ни одной микробины!

– А где потом от сажи отмываться? – серьёзно поинтересовался полковник и озадачился: – Голышом до озера далековато будет.

– Чудак ты! Какая сажа? Выйдешь на свет, аки белый ангел!

Анна Нифантьевна выплыла из сада с корзиночкой клубники, гордо водрузила на дворовый столик, прислушалась к разговору.

– Заманчивое предложение, – воодушевился гость. – После операции полгода прошло, уже можно и попариться. Только прошу, не усердствуй, Ваня!

Хозяйка не выдержала, похвасталась:

– Нашего банного жару даже француз отведал!

– Да, да, – подхватил Иван Павлович, – привечали однажды дорогого гостя по линии института.

И тут Михайлов расхохотался. Переводя взгляд с растерянного Хитько на смущённую, ничего не понимающую Анну Нифантьевну, смеялся залиvisto, распаяясь всё больше. Наконец, перевёл дух и взмолился:

– Не обижайтесь, родные мои, ради Бога, не обижайтесь! Фильм вспомнил про гардемарин. Там эпизод в бане, как француза, которого Боярский играл, берёзово-дубовыми веничками... Он-то думал, что русские в банях развратом занимаются... Три раза в неделю... А кто этому делу сопротивляется, того розгами, замоченными в кипятке... Я как представил вас в бане... Как вы француза...

Разом схлынуло напряжение, хозяева заулыбались. Иван Павлович даже смачно сплюнул, словно избавился от крутившихся на языке обидных слов. Но разве можно обижаться на друга детства Юрку, драгоценного послевоенного соседа – хата через огород от Вани, в Сенном переулке? Как можно дуться на самолучшего мальчишеского сапёра, у которого под крышей сарая было штук сто, а может, и двести мин! Все аккуратно сложены, а потом раскручены, разряжены со знанием дела. Разве можно сердиться на друга, с которым в оврагах – вот дурачьё! – по ласточкиным гнёздам стреляли, пока деревенские не прогнали. Тогда махнули в Прудок, где жил ещё один товарищ, Толик Автухов, длинный, худой, точно хлыст. Его так и звали: «Тащи, Хлыст, пулемёт с чердака! Айда постреляем!»

...С выцветшей фотографии тётя Даша смотрела так печально, словно знала, что Юрочка уже никогда не приедет, не приберёт её могилку, не посидит рядом на скамеечке. Вскоре новость эту тут же, на кладбище, подтвердила знакомая Хитько, родственница генерала Комлёва, тоже упокоившегося на Ивановском погосте.

Анна Нифантьевна определила цветы в банку с водой, а Хитько снова взглянул на фото. «Иванчик, – просили глаза тётя Даши, – ты заходи ко мне, не забывай! Блинков со сметаной, как бывало, я тебе на стол не поставлю, но душой обниму. Помолчим вместе...»

Ирина Шалаева, генеральская племянница, перекрестилась на могильный крест, попрощалась с супругами и скорбно поковыляла по кладбищенской дорожке. Иван Павлович тяжело вздохнул: «Эх, Юрка, Юрка! Не вовремя ты ушёл! Хоть и старики мы уже с тобой, но российской армии не помешал бы твой профессионализм. Вчера-то Лисичанск освободили, а это значит, что ЛНР может вздохнуть! Дальше Бахмутовское направление, надо выйти к Краматорску и Славянску, чтобы продолжить освобождение Донецкой области».

Хитько неожиданно улыбнулся и доверительно поделился с женой:

– Тридцать лет прошло, как разделился Союз на отдельные республики, а я, думая о России, по-прежнему говорю: «У нас. Наши. Мы».

– Как иначе-то, Вань? всю жизнь вместе прожили, самую лихую годину – Великую Отечественную – вместе! Кто тогда делился? Никто! Общей кровушкой земля полита от Бреста до Волгограда, – поддержала жена.

– И теперь проливается кровушка, – нахмурился Хитько. – Сколько гибнет людей и по эту и по ту стороны! Ведь хоть и зомбированные украинцы, с этим спорить никто не станет, но, как Сережка наш говорит, всё же – человеки! Да ещё и славяне. Если бы сохранился СССР, то и войны бы никакой не было! – И вдруг встрепенулся: – А наши-то! Земляки родимые! Знаешь, что учудили, как отличились?

Анна Нифантьевна напряглась, слушала мужа внимательно.

– В Лисичанске готовили диверсию! Те наёмники-белорусы, что сначала в Минске, в двадцатом году, пытались госпереворот учинить, а потом на Украину переметнулись. Руки у них чешутся – пострелять за денежку. Душонки поганые! Организовали националистический батальон «Волат» полка «Кастусь Калиновский». Да только в плен этих волотцев взяли!

– Ну и слава богу! – вздохнула жена. – Ты не распаяйся так, Ванечка, нервы побереги. От них, от нервов, все болячки.

Взволнованный Хитько благодарно погладил руку Аннушки, но остановиться не смог:

– Вот откуда такие берутся? Мой знакомый из Новополоцка, ты должна его знать, – Анатолий Бесперстных. Поэт, лексикограф, из тех одержимых литературой, что годами корпят над бумажными листами с ручкой в руке и последние копейки, как заядлые коллекционеры, отдадут за новую книгу.

– Да помню я! – недовольно поморщилась Анна Нифантьевна. – Дальше-то что?

– Так он ещё в девяностых возмущался, что один из коллег, БНФовец¹, с которым в школе двадцать лет рука об руку проработал... – Иван Павлович на секунду запнулся, но тут же с силой продолжил: – Подумай, Анечка, целых двадцать лет! Этот человек... Пе-да-гог! Когда Шушкевич к власти пришёл и с трибун громко заговорили про Белоруссию для белорусов, про белорусский язык и – никакого русского, так вот, этот школьный учитель, злорадствуя, пообещал, что приятеля моего, москаля, любителя русского языка и литературы, первого на берёзе повесит!

Жена пожала плечами:

– Что тут удивляться? Не зря же поговорка: «В семье не без урода»! Если учесть состав Белорусской краевой обороны во время Отечественной, то при населении приблизительно девять миллионов пятьдесят тысяч белорусов стали предателями. Много это или мало? Конечно, украинцы и прибалты их переплюнули, но всё равно фашисты рассчитывали, что перебежчиков будет больше.

– Нам хватило! – Иван Павлович резко махнул рукой, словно отгонял мрачные воспоминания. – Вот я и думаю: рано ушёл Юрка! Такие, как он, не струсят, своих не предадут. Такие везде людьми остаются, куда бы судьба ни забросила. А сейчас народ высвечивается, как на рентгене: кто чем дышит. Когда я служил, тоже всякого хватало...

Хитько быстро сходил с людьми, заводил друзей. Вот и с Иозасом Янкаускасом из Литвы подружился крепко. Когда тот откомандировывался из части в Петрозаводск за бельём или новым обмундированием, просил:

– Купи, друг, батон, грамм двести масла, бутылку молока. Устроим праздник животам!

И всегда переживал за неудачи товарища на полигоне:

– Как отстрелялся сегодня?

– Ай, одно «молоко», – искренне огорчался тот. – Тебе-то везёт: что ни стрельбы, всё в семёрку, девятку да десятку. А я как был мазилой, так и остался! Знаешь, родители ведь наказывали мне научиться метко стрелять, – он вдруг понизил голос.

Иван удивлённо покосился на толстого, неуклюжего, как мешок, Иозаса:

– Им-то это зачем? Или хутор охранять? Волки их страшат?

– Если бы волки, – приуныл Янкаускас.

Хитько терпеливо ждал, с интересом, словно впервые увидел, разглядывал друга. Добряк, готовый откликнуться, прийти на помощь по первому зову, был напряжён, явно встревожен, даже испарина проступила на лбу. Что же за семейные секреты решил товарищ поведать ему, Ивану?

¹ Партия БНФ – белорусская партия, основанная в 1993 году под названием «Белорусский народный фронт». Идеология: национализм, консерватизм. Девиз: «Жыве Беларусь!» Партия БНФ приняла активное участие в попытке госпереворота в Минске в 2020 году. В ноябре 2021 года Верховный суд Беларуси ликвидировал общественное объединение БНФ «Адраджэньне».

Янкаускас поднял на Хитько печальные глаза и, наконец, решил:

– Они надеются, они верят, что в Литве власть когда-нибудь переменится! – прошептал и испуганно оглянулся по сторонам.

В клубном кабинете, приспособленном под художественную мастерскую, никого, кроме Хитько и Иозаса, не было. С улицы, из репродукторов над хоккейной площадкой, доносилась лирическая музыка, нежный голос Майи Кристалинской мечтательно выводил:

*А снег идёт, а снег идёт.
И всё мерцает и плывёт...¹*

Убедившись, что разговор никто не слышит, Янкаускас разразился не дававшими ему покоя откровениями, словно выплескивал давнюю боль:

– Родители прячут... оружие! Ещё с войны. Они готовы стрелять в каждого, кто помешает им вернуть прежнюю жизнь – ту, которая была до Советов.

У Хитько перехватило дыхание, он еле выдавил:

– В русских?

– Да. Мечтают русской кровью крыши красить... И хотят, чтобы я тоже стрелял.

– Ну, и?

– Я же учитель русского языка и литературы! Русской! – Иозас побагровел, испарина проступила уже на щеках, нос покрыли капельки пота. Широкой пухлой ладонью он провёл по лицу и посмотрел на Ивана тоскливым взглядом: – Старшие братья сказали, если я не буду с ними, то сами убьют меня. И отец головой мотнул, подтверждая их слова...

– Да ну! Братья? Отец? – Хитько выпучил глаза. Даже представить такое о своём отце не мог, потому не верилось в услышанное. Хотя сразу вспомнился командир отделения Халусов, родом из Львова. Очень он любил над подчинёнными поиздеваться: то по пути в столовую заставит через коня прыгать, то вокруг этой же столовой – ползать по лужам, пока обед не закончится.

Но то, что услышал Иван от Иозаса, ввергло его в шок:

– Что значит, власть переменится? Никогда она не переменится! Несёшь какую-то лабуду! Ты чего сегодня такое съел?

Иозас молчал, только пыхтел от переполнявших его чувств, уже сожалея, что доверился Ивану. О таком нельзя было никому, даже самому лучшему другу. А тот распалялся:

– Стрелять в русских? Значит, в меня тоже... Ну что ж, тогда готовься, учись у русских, а то ведь вечно в молоко палишь, так ведь я тебя сразу и прикончу, – он попытался улыбнуться, но лишь уродливо скривил губы.

– Не кипятись, – начал сопротивляться Янкаускас, – во-первых, я тоже не верю, что власть может перемениться, во-вторых, даже не хочу учиться стрелять, ненавижу полигон, в-третьих, ты не русский, а белорус!

Хитько вдруг выпрямился, окатил друга снисходительно-убийственным взглядом: мол, а ещё учитель русского! – отчеканил с достоинством:

– Белорус... Но я русский белорус! А ты – русский литовец. Братья мы! – и улыбнулся широко, по-доброму.

Продолжение в следующем номере

¹ «Снег идёт» – из кинофильма «Карьера Димы Горина» (музыка А. Эшпая, слова Е. Евтушенко).